

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Памяти русского философа В.Н. Карпова

Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 5. С. 684-731.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

ПАМЯТИ РУССКАГО ФИЛОСОФА В. Н. КАРПОВА.

Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи въ С.-Петербургской Духовной Академіи 12 апр. 1898 г. по случаю столѣтія со дня рожденія знаменитаго профессора-философа (род. 2 апр. 1798 г.).

В. Н. Карповъ, какъ профессоръ.

Ваше Преосвященство,

Милостивые государи и государыни.

Мы сошлись на скромное собраніе, чтобы почтить память бывшаго профессора нашей академіи В. Н. Карпова. Уроженецъ воронежской епархіи, сынъ священника, В. Н. по окончаніи курса въ воронежской семинаріи, поступилъ въ кievскую духовную академію, которую и окончилъ въ 1825 г., въ составъ 2-го курса. Первые годы своей службы В. Н. провелъ въ кievской семинаріи, затѣмъ въ кievской академіи. Въ 1833 г. въ бытность ректоромъ с.-петербургской духовной академіи знаменитаго архипастыря русской церкви Иннокентія Борисова, В. Н. былъ переведенъ въ нашу академію, въ которой и служилъ до конца своей жизни въ 1867 г.

С.-Петербургская духовная академія въ теченіе восьмидесяти-девяти лѣтняго періода своего существованія имѣла утѣшеніе видѣть въ рядахъ своихъ дѣятелей почтенныхъ тружениковъ богословской науки и талантливыхъ представителей общаго образованія. Къ числу такихъ дѣятелей безспорно принадлежалъ и виновникъ настоящаго скромнаго собранія талантливый и самостоятельный мыслитель, заслуженный профессоръ нашей академіи В. Н. Карповъ. Имя его должно быть записано крупными буквами въ лѣтописи нашей академіи

и въ исторіи развитія богословствующей философской мысли. Честуемый, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія, В. Н. всю жизнь свою посвятилъ наукѣ и долженъ быть причисленъ къ сонму тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые, получивъ отъ руки божественнаго Промыслителя щедрые дары ума, воли и чувства, сумѣли развить и приумножить ихъ въ гармоническомъ сочетаніи, чтобы принести обильные, здоровые и зрѣлые плоды человѣческаго знанія. Всѣ знавшіе и сохрпаяющіе память о В. П. Карповѣ навѣрно согласятся со мною и скажутъ, что это былъ человѣкъ глубокой вѣры въ Бога, твердыхъ жизненныхъ убѣжденій и непреклонныхъ стремленій къ разъясненію коренныхъ вопросовъ человѣческаго существованія. Природа приготовила въ немъ носителя рѣдкихъ дарованій, — а собственная самодѣятельность развила высокій образецъ самостоятельнаго мыслителя, чуждаго педантизма, страстности и односторонняго увлеченія пріобрѣтенными знаніями.

Стоящій предъ нами бюстъ изображаетъ черты серьезнаго многодумнаго взора профессора. Намъ пришлось узнать знаменитаго наставника уже въ начавшіе вечерѣтъ годы его жизни, когда самъ профессоръ открыто сознавался: «ахъ, господа, силы слабѣютъ, жизнь догораетъ, а сколько остается еще не обмысленнаго, необдуманнаго, недоконченнаго!» И въ склонявшемся къ закату жизни старцѣ ярко свѣтили и давали себя наблюдать живая мысль, острое соображеніе и неподдѣльное воодушевленіе. Эти спутники не оставили старца и на одрѣ его смертной болѣзни. В. Н. умеръ въ ясномъ сознаніи, какъ и жилъ съ убѣжденною мыслию.

Мы всего ближе знаемъ В. П. Карпова, какъ профессора въ положеніи преподавателя. Предъ нами наставникъ довольно высокаго роста, гармонически сложеннаго корпуса, но нѣсколько сутуловатый, съ постоянною думою на челѣ, съ озабоченнымъ видомъ, углубленнымъ повидимому внутри самого себя для распознаванія тайнъ человѣческой души. Мѣрная, ровная и твердая поступь наставника свидѣтельствовала, что его мышленіе направляется по вѣрному пути къ правильно поставленной цѣли, и его душу не волнуютъ сомнѣнія относительно неизвѣстности будущаго. Профессоръ всегда казался сосредоточеннымъ, занятымъ, благодушнымъ. Лекціи его представляли импровизацію, для которой онъ не восходилъ на кафедру, а говорилъ двигаясь по аудиторіи съ заранѣе написан-

нымъ краткимъ конспектомъ въ рукахъ. Въ своихъ лекціяхъ профессоръ любилъ обращать вниманіе на современныя явленія дѣйствительности и оцѣнивать ихъ по даннымъ науки. В. Н. не любилъ употреблять громкихъ фразъ и искусственныхъ приемовъ, а говорилъ всегда просто съ твердымъ убѣжденіемъ; ибо не говорилъ чужаго на показъ, а выражалъ знанія, проведенныя сквозь призму собственного сознанія и разумнаго самочувствія. Профессоръ обладалъ многосторонними лингвистическими и научными знаніями, а потому въ своихъ лекціяхъ сообщалъ разнообразныя свѣдѣнія. Главнымъ же девизомъ профессора въ его преподаваніи было то, чтобы поставлять философскія и психологическія знанія въ связь съ истинами божественнаго Откровенія. При такомъ характерѣ и направленіи, уроки и лекціи профессора были особенно поучительны, цѣнны, жизненны и плодотворны. Сообщаемыя знанія мирно укладывались въ призму откровенныхъ истинъ. Это особенно поднимало В. Н. и поставляло его на высотѣ, располагая къ его мышленію всѣхъ тѣхъ, кто желалъ и искалъ мирнаго и уважительнаго разрѣшенія вопросовъ жизни и знанія.

Воспитанникъ старой духовной школы, пріучавшей къ самостоятельному и самобытному труду, профессоръ и въ слушателяхъ своихъ цѣнилъ трудъ и склонность къ собственному углубленію въ предметъ. Въ этомъ отношеніи В. Н. давалъ предпочтеніе тому импровизованному отвѣту, который свидѣтельствовалъ о стремленіи студента вникнуть въ предметъ, и удостоивалъ отличія тѣ письменныя упражненія, которыя носили печать собственного, а не заимственнаго раскрытія заданной темы; замѣтно выдвигалъ тѣхъ слушателей, въ которыхъ подмѣчалъ огонекъ синтетическаго мышленія и задатки самостоятельнаго творчества. Серьезность профессора отражалась и на его слушателяхъ. Собственное имя Карповъ въ то время можно было признать нарицательнымъ для того академическаго профессора, который самъ, самоувѣренно и мужественно держа знамя науки, умѣлъ привлекать подъ сѣнь этого знамени и своихъ слушателей. Таковъ былъ по нашему мнѣнію В. Н. Карповъ, какъ профессоръ, умудренный и знаніемъ и опытомъ.

Начальство въ свою очередь цѣнило заслуги профессора Карпова и въ нужныхъ случаяхъ пользовалось его знаніями и опытностію. Въ бумагахъ академическаго архива и въ ме-

муарахъ тогдашней академической конференціи находится не мало мнѣній и отзывовъ, которые были представлены и поданы В. Н. по разнымъ, возникавшимъ въ то время, ученымъ и учебно-воспитательнымъ вопросамъ. В. Н.—чу неоднократно поручалась начальствомъ ревизія духовно-учебныхъ заведеній, и притомъ въ особо важныхъ случаяхъ, требовавшихъ внимательнаго и опытнаго взгляда. Обозрѣть и освѣтить все это въ настоящемъ докладѣ нѣтъ возможности, — это на досугѣ когда-либо опишетъ біографъ, который приметъ на себя трудъ составить подробную біографію Карпова съ детальнымъ изображеніемъ сторонъ его жизни и дѣятельности, равно и того, что имъ написано и остается до сего времени въ рукописяхъ. Для характеристики же профессора, какъ довѣреннаго отъ начальства ревизора, замѣтимъ, что по проникшему въ печать, неофициальному отзыву очевидца, Карповъ производилъ ревизію Полоцкой въ Витебскѣ семинаріи самымъ тщательнымъ и строгимъ образомъ, но такъ, что ни воспитанники не стѣснялись ревизора, ни начальство не ощущало смущенія. Все во время этой ревизіи шло обычнымъ, прежде установившимся ходомъ. Ревизоръ при казавшейся строгости и суровости его взора обнаруживалъ ласковость и привѣтливость въ обращеніи.

Вообще, если бы мы пожелали представить В. Н. по его личнымъ свойствамъ, съ которыми онъ являлся всегда и всюду, — то должны были бы сказать: по виду строгій и даже какъ бы суровый, замкнутый въ себя, В. Н. былъ особенно привѣтливъ, искрененъ и ласковъ въ обращеніи съ другими по чувствамъ своего благороднаго сердца. Въ домѣ и въ обществѣ присутствіе В. Н. не стѣсняло его собесѣдника, — но каждый чувствовалъ, что находится въ обществѣ чловѣка, чуждаго суетнаго, щепетильнаго и искусственнаго тона. В. Н. ко всякому относился съ ровностью, простотою и непринужденностью.

Поставленный въ необходимость много думать о собственной семьѣ, въ виду ограниченнаго содержанія по службѣ, В. Н. не отказывалъ обращающимся къ нему за участіемъ, совѣтомъ и содѣйствіемъ. Многіе отнимали у него время для своихъ интересовъ. Вообще В. Н. представляетъ собою образецъ самоотверженнаго, безкорыстнаго и общедоступнаго труженика. Да будетъ же о немъ вѣчная память во всѣхъ знавшихъ, уважавшихъ и почитавшихъ этого скромнаго и чест-

наго мужа. Для увѣковѣченія же памяти В. Н. Карпова въ alma mater, который онъ посвятилъ лучшіе и самые зрѣлые годы своей жизни, принеся на служеніе ей всѣ усилія своихъ дарованій, постараемся дружнымъ единодушіемъ признательныхъ учениковъ и почитателей изыскать способъ къ тому, чтобы навсегда сохранить въ нашей академіи связанное съ ея прошлымъ имя В. Н. Карпова.

Т. Барсовъ.

II. В. Н. Карповъ—какъ психологъ.

Ваше Преосвященство,

Милостивыя государыни и государи!

Кто изъ любителей духовнаго просвѣщенія не слыхалъ имени покойнаго профессора с.-петербургской духовной академіи В. Н. Карпова? Преданіе намъ говоритъ, что В. Н. Карпова любили и уважали въ нашей академіи при его жизни. Слава о немъ, какъ знаменитомъ профессорѣ, была распространена по всѣмъ семинаріямъ. Семинаристы изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ Россіи, пріѣзжая въ академію, «на пріемныхъ экзаменахъ и на первыхъ лекціяхъ вникались взорами въ его аскетическую фигуру и мѣряли глазами его открытый лобъ, сравнивая его съ Платовскимъ»¹⁾. Но мы видимъ, что академія живо хранитъ о немъ память и до настоящаго времени, хотя послѣ его смерти прошло болѣе тридцати лѣтъ. Гдѣ причина этого?

Отвѣтомъ на поставленный вопросъ могутъ служить сочиненія покойнаго профессора. По нимъ легко можно судить, какими идеалами онъ былъ воодушевленъ и какъ онъ имъ служилъ. Я не буду касаться всѣхъ сочиненій В. Н. Карпова, а остановлю вниманіе лишь на психологическихъ его трудахъ. Къ нимъ относятся: литографированный подробный конспектъ лекцій по психологіи, читанныхъ студентамъ

¹⁾ Речь при погребеніи заслуженнаго профессора Василія Николаевича Карпова. „Христ. Чтеніе“, 1868 г., ч. I, стр. 267.

XXVIII курса, и психологическія статьи, помѣщенные въ «Христіанскомъ Читеніи»¹⁾, «Странникѣ»²⁾ и «Дѣтскомъ Читеніи», составлявшемъ приложеніе къ «Страннику»³⁾.

Въ этихъ трудахъ заслуживаютъ вниманія два вопроса: 1) какъ представлялъ себѣ В. Н. Карповъ значеніе психологіи и способъ ея разработки и 2) какія психологическія воззрѣнія проводилъ онъ самъ въ своемъ курсѣ психологіи?

Чтобы не утомлять Вашего вниманія, я ограничусь разсмотрѣніемъ перваго вопроса.

В. Н. Карповъ былъ моралистомъ. Вездѣ и всюду его занималъ одинъ вопросъ: какъ нужно жить, что дѣлать, чтобы выполнить данное человѣку назначеніе. Поэтому съ какимъ бы предметомъ онъ ни встрѣчался, онъ прежде всего спрашивалъ: ведетъ этотъ предметъ къ осуществленію назначенія человѣка или нѣтъ, и если ведетъ, то какъ и въ какой мѣрѣ? Сообразно съ этимъ самый предметъ пріобрѣталъ въ его глазахъ большее или меньшее значеніе. Совершенно такимъ же образомъ онъ опредѣлялъ и значеніе психологіи.

Назначеніе человѣка двоякое: 1) «достигнуть возможно большаго личнаго совершенства и 2) поставить себя въ возможно лучшія отношенія ко всему, чѣмъ окружена и условливается жизнь»⁴⁾. Обѣ эти задачи выполняются уже человѣческой природою безсознательно, въ силу присущихъ ей инстинктивныхъ требованій. Но полагаться на одни инстинкты нельзя. Какъ показываетъ опытъ, они могутъ у человѣка принимать превратное направленіе. Поэтому въ инстинктивныя дѣйствія природы долженъ быть внесень свѣтъ сознанія. Но какъ это сдѣлать? Конечно не иначе, какъ чрезъ изученіе самыхъ проявленій инстинкта.

Всѣ люди стремятся къ личному совершенству. Это стремленіе выражается въ томъ, что никто не довольствуется паличнымъ своимъ состояніемъ. Но въ чемъ заключается лучшее состояніе, или совершенство, этого никто прямо не знаетъ. Чтобы узнать это, мы должны анализировать паличное свое состояніе, вызывающее въ насъ чувство недовольства. Мы

1) Вступительная лекція въ психологію. 1860 г., ч. I, стр. 189—229.

2) О самопознаніи. 1860 г., ч. I, стр. 17—34.

3) Тайнственная лампада и Лампадный слей. 1864 г., ч. I, отд. 2, стр. 1—22 и ч. II, отд. 1, стр. 23—88.

4) Вступительная лекція въ психологію, стр. 214.

должны дать себѣ отчетъ, чѣмъ собственно мы недовольны въ этомъ состояніи. Тогда будетъ ясно, чего намъ не достаетъ, къ чему мы стремимся, въ чемъ заключается наше совершенство. Предположите, что человѣкъ испытываетъ непріятное чувство голода. Чтобы узнать, что ему нужно, онъ долженъ отыскать предметъ, которымъ устраняется это непріятное чувство. Подвергая себя дѣйствию то одного, то другого, то третьяго предмета, онъ, наконецъ, увидитъ, что его природа въ данномъ случаѣ требуетъ пищи. Существо дѣла остается тѣмъ же самымъ и при опредѣленіи личнаго совершенства человѣка. Разница заключается лишь въ томъ, что для опредѣленія совершенства мы должны изучить не одно какое-либо обнаруженіе человѣческой природы, а всѣ. Мы должны взять цѣлую душевную жизнь и по ней составить взглядъ на человѣческую природу и ея требованія.

Не иначе можетъ быть опредѣлена и вторая задача человѣка—поставить себя въ возможно лучшія отношенія съ предметамъ, которые его окружаютъ и отъ которыхъ зависитъ его жизнь. Какіе это предметы—думать не приходится. Они чувствуются или ставятся нами въ качествѣ необходимыхъ предположеній, безъ которыхъ была бы невозможна самая наша жизнь. Эти предметы суть: матеріальный міръ, люди и Богъ. Изъ отношеній къ нимъ и слагается наша жизнь. Опытъ показываетъ, что существующими своими отношеніями къ Богу, міру и людямъ мы никогда не бываемъ довольны. Мы хотимъ стать къ нимъ въ лучшія, идеальныя отношенія. Но въ чемъ заключаются эти отношенія—остается для насъ загадкою. Разгадать ее—нѣтъ у насъ другого естественнаго средства, какъ обратиться къ изученію наличныхъ отношеній, т. е. къ изученію нашей душевной жизни и лежащей въ ея основѣ нашей природы.

Такимъ образомъ знакомство съ душевною природою человѣка одинаково требуется для уразумѣнія какъ личнаго совершенства, такъ и идеальныхъ отношеній къ Богу, міру и людямъ. И это вполне понятно. Стремленіе поставить себя въ идеальныя отношенія къ Богу, міру и людямъ и стремленіе достигнуть личнаго совершенства представляютъ собою двѣ стороны одного и того же стремленія къ совершенству вообще. Всѣ мы стремимся къ осуществленію въ жизни возможно полнаго совершенства. Но это совершенство мы можемъ разсматривать или въ отношеніи къ намъ, или

въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, дѣйствіемъ которыхъ обуславливается наша жизнь. Разсматриваемое съ первой точки зрѣнія оно явится совершенствомъ нашимъ личнымъ, а со второй—совершенствомъ нашихъ отношеній къ Богу, міру и людямъ.

Но изученіе душевной жизни и лежащей въ ея основѣ душевной природы человѣка составляетъ задачу науки Психологіи. Психологія, слѣдовательно, должна дать твердыя научныя основанія для уясненія назначенія человѣка. Она должна быть «рефракторомъ, показывающимъ, согласны ли съ требованіями души наши мысли, чувствованія и желанія, и если не согласны, то въ чемъ именно и какое произошло уклоненіе, чтобы потомъ возстановить направленіе силы уклонившейся и устремить ее къ истинному совершенству человѣка¹⁾).

Въ связи съ этимъ ближайшимъ значеніемъ психологіи стоитъ и другое—болѣе отдаленное ее значеніе.

Для разумнаго и сознательнаго осуществленія своего назначенія человѣкъ долженъ знать не только свою собственную природу, но и природу тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ зависитъ его жизнь, т. е. Бога, матеріальнаго міра и чело-вѣчества. О Богѣ, мірѣ и людяхъ мы можемъ судить лишь по ихъ отраженіямъ въ нашемъ сознаніи. Но отраженія въ сознаніи могутъ быть правильными и неправильными. Чтобы отличить правильныя отраженія отъ неправильныхъ нуженъ критерій, а критеріемъ могутъ быть только присущія нашей природѣ нормы, или законы. Мыслители обыкновенно считаютъ своею обязанностью руководиться лишь теоретическими нормами, т. е. тѣми законами, которые указываются логикою на основаніи психологическаго изученія познавательной дѣятельности человѣка. Но мы знаемъ, какое сильное вліяніе на познаніе оказываютъ страсти. И чѣмъ сложнѣе или отвлеченнѣе предметъ познанія, тѣмъ сильнѣе бываетъ это вліяніе. Особенно большую роль играютъ страсти при познаніи предметовъ сверхъопытныхъ, напр., Бога. Это показываетъ, что одного теоретическаго критерія для разрѣшенія высшихъ вопросовъ бытія недостаточно. Здѣсь нуженъ другой критерій, болѣе ясный и оцутительный.

Такимъ критеріемъ являются жизненныя наши отношенія къ окружающему насъ бытію. Если эти отношенія нормальны—они

¹⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 216.

отвѣчаютъ истинной природѣ не только насъ самихъ, но и окружающаго насъ бытія. Наоборотъ, если мы въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему бытію будемъ выходить изъ ложныхъ взглядовъ на это бытіе — наша жизнь получитъ неправильную форму и мы сейчасъ почувствуемъ это. Слѣдовательно, самымъ надежнымъ критеріемъ для уразумѣнія истинной природы Бога, міра и людей должны служить нормальныя наши отношенія къ нимъ. Мы должны составить правильный взглядъ на эти отношенія и изъ него сдѣлать выводъ о природѣ указанныхъ предметовъ. Но правильный разумный взглядъ на нормальныя отношенія къ Богу, міру и людямъ можетъ быть выработанъ не иначе, какъ при помощи психологіи. Отсюда психологія должна быть положена въ основу всей энциклопедіи философскихъ наукъ— философіи религіи, философіи природы и философіи человѣчества ¹⁾).

Придавая столь высокое значеніе психологіи, В. Н. Карповъ, естественно, долженъ былъ задаться вопросомъ: какимъ требованіямъ должно удовлетворять психологическое изслѣдованіе, чтобы психологія стояла на высотѣ своего призванія?

Съ матеріальнымъ міромъ мы знакомимся посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Душевный міръ человѣка внѣшнимъ чувствамъ не доступенъ. Мы не можемъ ни видѣть, ни слышать, ни осязать тѣхъ чувствованій, желаній и мыслей, которыя происходятъ въ другомъ человѣкѣ. Мы можемъ непосредственно знать только свои собственныя душевныя явленія. У насъ есть способность обращаться къ самимъ себѣ и наблюдать надъ происходящими въ насъ событіями. Это наблюденіе, извѣстное подъ названіемъ внутренняго опыта, составляетъ т. о. единственный источникъ непосредственнаго знакомства съ душевною жизнью. На фактахъ внутренняго опыта и должна быть построена наука—психологія. Но какъ?

Первое требованіе, которому должно удовлетворять всякое научное изслѣдованіе, есть требованіе безпристрастія. «Чистая истина постигается только чистымъ зрѣніемъ: чрезъ предраположенія же или какія-либо предзанятыя начала... она во всей своей чистотѣ не усматривается» ²⁾. Поэтому и психологія въ своихъ изслѣдованіяхъ должна быть свободна отъ предвзятыхъ идей. «Философы, говоритъ В. Н. Карповъ, большею

¹⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 211 и 220.

²⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 205—6.

частію позволяли себѣ дѣлать заключенія о человѣческой душѣ не по самымъ явленіямъ души, а по принятымъ взглядамъ на міръ или по общей, усвоенной извѣстнымъ мыслителямъ, идеѣ всего существующаго» ¹⁾). Но идея легко можетъ оказаться ошибочною и тогда всѣ заключенія о душѣ рунутся, подобно зданію, построенному на пескѣ. Поэтому, «было бы гораздо лучше—не предполагать идеи, какъ нѣчто данное, а найти ее путемъ самопознанія, чтобы потомъ не психологію развивать по идеѣ философіи, а философію по идеѣ психологіи» ²⁾). В. Н. Карповъ не считалъ возможнымъ воспользоваться безъ провѣрки даже такую общепринятою идеею о человѣкѣ, какъ идея микрокосма. «Не рѣшаемся, говоритъ онъ, преждевременно утверждать, что многовѣковая мысль о микрокосмѣ вполнѣ справедлива: потому что и она также представляется выраженіемъ идеи и требуетъ провѣрки» ³⁾).

Это требованіе, чтобы въ основу психологіи были положены факты внутренняго опыта, нельзя не поставить въ особенную заслугу В. Н. Карпова. Въ его время господствующими были психологія Гербарта и Бенеке. А извѣстно, какое второстепенное значеніе придавали опыту эти психологіи, построенныя на метафизическихъ предположеніяхъ. В. Н. Карповъ оказался чуткимъ къ новымъ, болѣе живымъ, вѣяніямъ въ области психологіи, пачавшимся въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Онъ не устранился авторитета Гербарта и Бенеке и провозгласилъ, что источникомъ науки психологіи долженъ служить внутренній опытъ, свободный отъ превзятыхъ мнѣній.

Но съ другой стороны, не подлежитъ никому сомнѣнію, что совершенно безъидейное опытное изслѣдованіе не возможно. Самъ по себѣ опытъ даетъ лишь сырой, безсвязный матеріаль. Чтобы матеріаль этотъ представлялъ изъ себя нѣчто разумное и понятное для мысли, нужно обращаться къ нему съ разумными вопросами, т. е. имѣть какіе-либо руководящія идеи. Посему требованіе научнаго безпристрастія нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто оно исключаетъ въ опытномъ изслѣдованіи всякое участіе заранѣе составленныхъ идей. Оно

¹⁾ Ibid., стр. 209.

²⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 211.

³⁾ Ibidem.

запрещаетъ пользоваться лишь ложными или предвзятыми идеями, не имѣющими для себя твердой почвы. Противъ правильныхъ же идей оно ничего не можетъ имѣть, ибо такія идеи составляютъ *conditio sine qua* поп всякаго истиннаго прогресса научнаго знанія. И чѣмъ обширнѣе эти идеи, тѣмъ плодотворнѣе ихъ значеніе. Изъ всѣхъ наукъ, какъ извѣстно, достигла наибольшаго развитія астрономія. Но своимъ развитіемъ она обязана мѣтко схваченной, широкой идеѣ Коперника. «Коперникъ, построивъ теорію солнечной системы, всю надежду своего построенія основывалъ на предположеніи: не могутъ ли начертанными имъ законами движенія небесныхъ тѣлъ быть объяснены всѣ явленія звѣзднаго неба и рѣшены всѣ вопросы, не разрѣшимые по началамъ прежнихъ космологическихъ построеній? Съ того времени предначертаніе Коперника сдѣлалось предметомъ провѣрокъ, и, дѣйствительно, донинѣ оправдывается астрономическими наблюденіями; предположеніе его вошло въ рядъ истинъ почти несомнѣнныхъ, и система его устоялась» ¹⁾. Примѣру астрономовъ должны послѣдовать и психологи. Но откуда они могутъ взять руководящія идеи о душѣ?

Ближайшимъ источникомъ такихъ идей долженъ, конечно, служить внутренній опытъ. «Психологія обязана, смотря по количеству накопившихся фактовъ, порою дѣлать общія наведенія и чрезъ нихъ вызывать идеи для философскаго синтеза» ²⁾. Но идеи, основанныя исключительно на опытныхъ обобщеніяхъ имѣютъ, по большей части, очень ограниченное примѣненіе, почему надѣяться при помощи ихъ проникнуть въ тайники чело-вѣческой души, едва ли возможно. «Въ опытѣ, говоритъ В. Н. Карповъ, мы видимъ всегда дѣятеля медленнаго, робкаго, недалнаго... Опъ идетъ шагъ за шагомъ, оцупью, отъ явленія къ явленію, и трудясь теперь, не знаетъ, что будетъ потомъ, работая здѣсь, не предвидитъ, что встрѣтится тамъ; его дѣло—разсматриваніе чего-то, еще неопредѣленнаго, по частямъ, чтобы наконецъ найти общій ихъ итогъ и опредѣлить имъ цѣлое. Посему оставлять психологію съ однимъ внутреннимъ опытомъ и сознаніемъ значитъ обрекать ее на трудъ, собственно говоря, нескончаемый, требующій дѣятельности не одного человѣка, а цѣлага чело-вѣчества, не годовыхъ усилій,

¹⁾ О самопознааніи, стр. 29.

²⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 213.

а многовѣковыхъ подвиговъ»¹⁾. Между тѣмъ жизнь не ждетъ. Нравственные вопросы, тѣсно связанные съ вопросомъ о человѣческой душѣ, требуютъ немедленнаго разрѣшенія. Получается затрудненіе, изъ котораго необходимъ выходъ, ибо иначе нравственныя потребности человѣка должны будутъ остаться безъ удовлетворенія. Гдѣ же этотъ выходъ?

В. Н. Карповъ былъ глубоко убѣжденъ въ истинности Божественнаго Откровенія. Онъ видѣлъ въ немъ драгоцѣнную сокровищницу необходимыхъ для нравственной жизни истинъ, до которыхъ самъ человѣкъ своимъ ограниченнымъ умомъ никогда не могъ бы дойти. Поэтому онъ считалъ обязанностью каждаго человѣка, при рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ вообще и вопроса о человѣческой природѣ въ частности, руководиться откровеннымъ ученіемъ. «Астрономы, говоритъ онъ, чтобы возвысить силу органическаго зрѣнія, придумали телескопы. Для возвышенія силы зрѣнія нравственно у человѣка также есть орудіе. Только это орудіе не подобное, а инокродное, не чувственное, а духовное, не искусственное, а благодатное; это око души, просвѣтленной вѣрою, которая дивно возвышаетъ силу сознанія и обличаетъ предъ нимъ существо вещей невидимыхъ. При свѣтѣ сего Божественнаго вопроса наука самопознанія никогда не уклонится отъ истины и, сколько можно человѣку видѣть, увидитъ и разгадаетъ тайны душевной жизни; ибо въ этомъ случаѣ человѣкъ будетъ измѣрять себя не самимъ собою, а безконечнымъ умомъ Того, которымъ существуетъ и движется»²⁾.

Такимъ образомъ второе требованіе, которое должно быть предъявлено къ психологіи, состоитъ въ томъ, чтобы путеводною звѣздою, освѣщающею ея изслѣдованія, служило откровенное ученіе о человѣческой природѣ.

По ученію Божественнаго Откровенія, человѣческая природа состоитъ изъ двухъ началъ: изъ духа, созданнаго по образу Божію, и персти, взятой отъ земли³⁾. Это ученіе, на-

1) Вступительная лекція въ психологію, стр. 212.

2) О самопознанія, стр. 31.

3) Эти два начала соединены въ одну сознательную личность, которая въ Св. Писаніи называется душею живою. Отсюда встрѣчаются въ Св. Писаніи мѣста, въ которыхъ говорится о душѣ, духѣ и тѣлѣ человѣка. Такъ апостоль Павелъ, говоря о дѣйственности слова Божія, приписываетъ ему силу проходить до раздѣленія души и духа, а выражая свои благожеланія вѣрнымъ, молить Бога, чтобы Онъ сохранилъ совер-

меки на которое можно видѣть уже въ нѣкоторыхъ языческихъ религіяхъ и философскихъ системахъ ¹⁾), находить для себя полное подтвержденіе въ нашемъ внутреннемъ опытѣ.

шенными и духъ ихъ, и душу, и тѣло. Такимъ образомъ по смыслу Св. Писанія, жизнь принадлежитъ душѣ, а духъ и тѣло суть начала, образующія эту жизнь и дающіе ей такое или иное направленіе.

Выходи изъ этого ученія, В. Н. Карповъ дѣлилъ всѣ душевныя явленія на три группы: на явленія *животной, духовной и формальной* жизни. Изъ нихъ фактическая жизнь души, въ условіяхъ земного существованія, складывается собственно изъ явленій формальной жизни. Жизнь же животная и духовная существуетъ лишь въ отвлеченіи, какъ два полюса, къ которымъ можетъ приражаться формальная жизнь. Формальная жизнь характеризуется тѣмъ, что она совершается въ условіяхъ пространства и времени и освѣщается сознаниемъ и самосознаниемъ. Пространство и время составляютъ какъ бы атмосферу формальной жизни. Безъ нихъ не были бы возможны ни представленія, ни желанія, ни понятія о вещахъ, какъ не возможны никакія чувственныя отправления жизни безъ воздуха. А сознание и самосознание являются свѣточемъ, или свѣтильникомъ, который озаряетъ и то, что входитъ въ сферу формальной жизни извнѣ, и то, что дѣлается въ самой этой сферѣ. Формальная жизнь имѣетъ двѣ стороны: теоретическую и практическую познавательную и дѣятельную. Дѣятельно-практическая сторона распадается въ свою очередь на двоякаго рода явленія: на чувствованія и явленія воли.

¹⁾ Въ подробномъ конспектѣ лекцій по психологіи, написанномъ рукою В. Н. Карпова и сохраняющемся у его сына, читаемъ: «„Конфуціи учили, что все находящееся въ небѣ и на землѣ, соединено въ человѣкѣ въ одно лицо; потому что человѣкъ состоитъ изъ разумной души, въ которой выражается преобладаніе небеснаго начала, и изъ тѣла, въ которомъ преобладаетъ начало земное; а равновѣсіе того и другого начала заключается въ низшей душѣ. Подобно этому о духѣ говорилъ и Зороастръ. По его словамъ, человѣкъ получаетъ тѣло и оживотворяющую его душу изъ крови и сѣмени родителей, но разумный духъ его, во время тѣлеснаго рожденія, сходитъ съ неба. И египтяне равнымъ образомъ полагали, что духъ происходитъ изъ божественной субстанціи, а душа—изъ области неба; послѣдняя низводитъ насъ въ кругъ многообразія и подвергаетъ вліянію рока, а первый связуетъ съ вѣчнымъ первоединствомъ и освобождаетъ отъ власти рока. Индійскіе истолкователи Ведъ утверждали, что душа, съ одной стороны, есть божественная сущность и самый внутренній ея движитель, а съ другой она—начало похотливое, дѣйствующее пятью чувствами и потому связанное съ матеріей... Платонъ говорилъ, что противное тому, чѣмъ бываетъ душа чрезъ духъ, обнаруживается только своимъ направленіемъ къ тѣлесности; что то, что въ пожелательной, равно какъ и въ животной душѣ, возбуждаетъ жажду къ питью, должно быть инымъ и отличнымъ отъ начала господствующаго, которое своимъ могуществомъ нерѣдко удержи-

Внутренній опытъ свидѣтельствуетъ, что душевная жизнь человѣка представляетъ собою соединеніе противоположностей — одинаго и многаго, неизмѣнаго и измѣняемаго, разумнаго свѣта и неразумной тьмы, свободы и необходимости, тяготѣнія къ безконечному Богу и къ конечнымъ предметамъ міра. Состоя изъ противоположностей, человѣкъ постоянно испытываетъ внутреннюю борьбу съ самимъ собою: высшія начала стремятся въ немъ взять верхъ надъ низшими и паоборотъ. И смотря по тому, какія изъ нихъ получаютъ преобладаніе, самая жизнь принимаетъ направленіе идеальное или низменное, религіозно-нравственное или чувственно-животное.

Эти направленія не могутъ быть безразличны для науки о душѣ.

При направленіи религіозно-нравственномъ человѣкъ бываетъ больше всего заинтересованъ своимъ внутреннимъ міромъ. Онъ слѣдитъ за всѣми движеніями своей души, оцѣниваетъ ихъ, открываетъ въ нихъ недостатки, борется съ ними и вызываетъ къ жизни все новыя и новыя стороны своего духа. Жизнь такого человѣка полна самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ явленій и даетъ весьма богатый матеріалъ для заключеній о чисто-человѣческихъ свойствахъ души.

Совсѣмъ другую картину представляетъ жизнь человѣка, преданнаго чувственнымъ, земнымъ интересамъ. Его вниманіе все время сосредоточено на внѣшнихъ предметахъ. Оторваться отъ нихъ и обратиться къ созерцанію внутренняго міра ему и трудно, и не хочется. Для него «слово, призывающее къ самопознанію, говоритъ В. Н. Карповъ, однознаменательно съ зовомъ, которымъ дитя, бѣгающее по цвѣтистому лугу и гонящееся за мотылькомъ, призываютъ домой» ¹⁾. Зачѣмъ идти домой, думаетъ подобный человѣкъ, когда «свѣтъ со всѣми его обаяніями, прищипками, надеждами, удовольствіями такъ прекрасенъ!.. Вошь тамъ.. ослѣпляютъ зрѣніе фантомы богатства... Неужели не стоитъ труда достигнуть этого сокровища?.. И искатель философскаго камня неутомимо бѣжитъ за блестящимъ метеоромъ,

ваетъ отъ питья. То же читаемъ и у Аристотеля: подъ началомъ въ человѣкѣ познающимъ разумѣть онъ интелехію, проникнутую духомъ и противоположную тому, что такое она безъ духа, поколику существуетъ только чрезъ тѣло и въ тѣлѣ».

¹⁾ О самопознаніи, стр. 17.

пока не успокоится подь камнемъ могильнымъ. Вотъ отсюда идетъ тропинка на высокую гору, облитую радужнымъ сіяніемъ почестей, славы и власти. Неужели не стоитъ всевозможныхъ усилій подняться на ту высоту.., чтобы жизнь.. сдѣлалась показнѣе, выпуклѣе и для всѣхъ замѣтнѣе? И маленькій кесарь.. идетъ, спотыкается, падаетъ, поднимается, снова падаетъ и снова поднимается, пока не приблизится смерть и не скажетъ ему: ты отъ земли и земля твой удѣлъ! Вотъ здѣсь средоточіе большаго стеченія народа, откуда доходятъ до слуха.. шумныя выраженія увеселеній, громкое эхо восторговъ. Неужели не стоитъ нѣсколькихъ часовъ времени, чтобы вмѣшавшись въ эту веселую толпу, раздѣлить съ нею ея радость? И новый Аристиппъ.. заботливо рыщетъ отъ удовольствій къ удовольствіямъ, пока не изсякнетъ живое чувство, не притупится вкусъ и на днѣ выпиваемой чаши не ощутится горькій убійственный осадокъ. А что тамъ — далеко, далеко, гдѣ съ землею какъ будто сходится небо?.. Тамъ конецъ земли и начало неба; тамъ должны разрѣшиться всѣ загадки бытія; тамъ послѣднее торжество науки, тамъ апотеозъ ума... И всесвѣтнѣйшій изслѣдователь терпѣливо идетъ, по тернистому поприщу ученыхъ трудовъ.., пока возникающіе одни за другими неразрѣшимые вопросы, и какъ бы насмѣхающіяся надъ его усиліями непримиримыя противорѣчія, не убѣдятъ его въ слѣпотѣ и невѣжествѣ»¹⁾. И перебѣгаетъ человѣкъ отъ одного внѣшняго предмета къ другому, а вернуться домой и заглянуть въ бѣдную хижину своей души ему не хочется и нѣтъ времени. Но если бы онъ и обратился къ своему внутреннему міру, то здѣсь ничего не нашелъ бы, кромѣ чувственныхъ образовъ и низкихъ страстей. А если бы онъ вздумалъ изъ этихъ матеріаловъ построить психологію, то получилась бы у него психологія скотская, отождествляющая душу человѣка съ душою безсловесныхъ животныхъ и узаконяющая скотскій образъ жизни.

Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Когда въ обществѣ ослабѣваетъ религіозное чувство и усиливаются своекорыстіе и погоня за роскошью и чувственными удовольствіями, тогда дѣлаются господствующими матеріалистическія воззрѣнія. Тогда изслѣдователи не только не прибѣгаютъ къ самопозна-

¹⁾ О самопознаніи, стр. 17 18.

нію, но и отрицають самую возможность его. Въ это время, замѣчаетъ В. Н. Карповъ, «люди, которые, по глубокости своихъ убѣжденій, не спѣшатъ или даже вовсе не хотятъ увлекаться потокомъ современныхъ заблужденій, и крѣпко держатся чистоты психологическихъ своихъ понятій», получаютъ бранную кличку «рутинеровъ». «А если въ числѣ такихъ рутинеровъ явится умъ сильный, характеръ непоколебимый, и вздумаетъ своими началами, будто оплотомъ, остановить потокъ вредныхъ и гибельныхъ мнѣній, то оплотъ его будетъ сорванъ — иногда вмѣстѣ съ его жизнію, и высокія его идеи сокроются въ пыли библіотекъ до временъ болѣе благоприятныхъ, какъ драгоценный подарокъ поколѣніямъ позднѣйшимъ»¹⁾.

Отсюда вытекаетъ третье общее требованіе по отношенію къ способу разработки психологіи. Психологію должны разрабатывать лишь тѣ лица, которыя развили въ себѣ высшія стороны человѣческаго духа и выработали высокое религіозно-нравственное настроеніе. А въ комъ этого нѣтъ, тотъ долженъ напередъ просвѣтить свою душу и очистить ее отъ оскверняющихъ нечистотъ и только тогда браться за разработку науки психологіи.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какими высокими идеалами былъ воодушевленъ В. Н. Карповъ. Онъ не желалъ гнаться ни за удовольствіями, ни за богатствомъ, ни за высокимъ служебнымъ положеніемъ, ни за показною ученостію. У него была одна цѣль — осуществить въ своей жизни и ученой дѣятельности идею нравственнаго добра. Предъ такимъ идеальнымъ настроеніемъ В. Н. Карпова нельзя не преклоняться. С.-Петербургская духовная академія можетъ гордиться, что въ ней подвизался болѣе 40 лѣтъ такой профессоръ. Пускаясь въ безбрежное море психологическихъ изслѣдованій, В. Н. Карповъ, подобно опытному капитану, особенно заботился о томъ, чтобы на его судиѣ были — морская карта, компасъ и достаточное количество топлива. Карта это — Божественное откровеніе, компасъ — чуткое нравственное сознаніе, а топливо — ученый аппаратъ. И мы должны отдать ему справедливость. При этихъ средствахъ не должны быть страшны пловцу-психологу ни бури, ни подводные камни, лежащіе на днѣ обще-

¹⁾ О самопознаніи, стр. 28—29.

ственной жизни. Онъ твердо пойдетъ къ намѣченной цѣли. В. Н. Карпову было нечего бояться, что такое глубокое воззрѣніе его затеряется въ библиотечной пыли. Какъ никогда не изгладится въ человѣкѣ образъ Божій, такъ никогда не забудется и это воззрѣніе В. Н. Карпова.

Виталій Серебrenиковъ.

III. Объ общемъ характерѣ логики Карпова.

Построеніе теоріи, созданіе науки, по Карпову, есть дѣло ума философскаго.

Цѣльный и послѣдовательный философскій умъ самого Карпова, естественно, не могъ не сказаться своими характерными особенностями и при построеніи логической системы.

Еще за 16 лѣтъ до печатанія «Логики» философъ нашъ въ своемъ «Введеніи въ философію» высказался за принципъ «синтетизма» въ систематическихъ построеніяхъ. Не найдемъ ли признаковъ этого же направленія и въ логической системѣ того же мыслителя?

Въ логической литературѣ настоящаго столѣтія, — послѣ и отчасти по почину Канта, — постоянно при оцѣнкѣ характера логической системы, выставляются двѣ главныя общія мѣрки: формальная ли это логика или реальная? Для опредѣленія того или другаго направленія данной логической системы обращается вниманіе на то, какъ составитель послѣдней беретъ и понимаетъ предметъ и задачу логики, и какой предпочитаетъ методъ.

Карповъ самъ относитъ логику вообще къ наукамъ *формальнымъ*, наравнѣ съ грамматикой, математикой, архитектурой и друг., — почему? потому что она — логика — «занимается формами», подъ которыми взаимно соединяются какіе-либо матеріалы мышленія.

Повидимому въ этомъ признаніи Карпова заключается несоотвѣтствіе тому, чего мы ожидаемъ отъ философа, который такъ горячо стоитъ, въ систематическихъ построеніяхъ, за синтезъ идеальнаго съ реальнымъ, субъективнаго съ объективнымъ? Мы задаемъсь вопросомъ: каковъ же это «форма-

лизмъ» логики, и въ какой связи стоитъ онъ съ синтетизмомъ философіи Карпова? Этотъ вопросъ умѣстенъ при почитаніи памяти ученаго логика въ настоящее время, когда всякое, похожее на отдачу нѣкоторой чести, разъясненіе правъ формальной логики сочтено можетъ быть анахронизмомъ, — чѣмъ то, лишеннымъ даже историческаго интереса. Въ виду этого вопроса мы и обращаемъ прежде всего вниманіе на то указанное выше обстоятельство, что Карповъ сравниваетъ логику съ математикой.

Сближеніе логики съ математикою дѣлаться можетъ уже на основаніи тождества самого общаго понятія формы и самого общаго отличія формы отъ матеріи, хотя бы то и другое бралось въ отношеніи не только логики и математики, но также и при сравненіи логики съ грамматикою, архитектурикою и т. п. У Карпова же соотношеніе логическаго элемента именно съ математическимъ въ понятіи формы представляется болѣе тѣснымъ. По нему «во всякомъ выраженіи мысли форма мышленія дается въ двойномъ значеніи: въ математическомъ и логическомъ». Но и различіе этихъ всегда сопричастующихъ значеній формы проводится Карповымъ настойчиво. «Форма мышленія какъ логическая показываетъ взаимное сродство или несродность частей какой-либо опредѣленной матеріи, а какъ математическая — она исключаетъ всякую опредѣленную матеріальность, и имѣетъ въ виду только отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ». Формы пространства и времени, служація предметомъ математическаго мышленія, составляютъ необходимую атмосферу дѣятельности разсудка и въ мышленіи логическомъ. Но мыслить логически не то же, что мыслить математически: въ первомъ случаѣ разсудокъ соединяетъ качественныя черты предметовъ, «матеріальныя примѣты», найденныя въ представленіяхъ; во-второмъ — количественныя черты, «признаки формальныя». Математическое мышленіе развивается особеннымъ, ему одному свойственнымъ способомъ. Математическій моментъ, правда, вводится Карповымъ и въ самую идею закона, управляющаго матеріалами и условіями мышленія — и обезпечивающаго мышленію правильность и цѣлесообразность. Но математичность закона въ данномъ случаѣ означаетъ съ одной стороны разсудочность закона какъ независящую отъ той или другой опредѣленности «матеріальныхъ примѣтъ» представленій, съ другой стороны и въ связи и съ этимъ она

означаетъ достоинство всеобщности и необходимости, каковое должно принадлежать логическимъ — какъ нормативнымъ — формамъ мышленія. Во всякомъ случаѣ все это не означаетъ у Карпова собственно подчиненія логики математикѣ на какое-либо подобіе того, какъ это явленіе было и есть въ одной вѣтви англійской логической школы. Возможно, что Карповъ сравненіе логической формальности съ математическою сдѣлалъ не безъ знакомства съ Герbartіанскою школою, отъ которой однако его логика существенно отличается. Но и самое сближеніе-то вообще логическаго съ математическимъ въ логической литературѣ дѣлалось — и можетъ дѣлаться — не для защиты правъ формальной только логики, а также и для вывода правъ реальной логики. Такимъ образомъ само по себѣ сличеніе логики съ математикою не можетъ еще служить рѣшительнымъ аргументомъ для признанія и Карповскаго способа обработки логики формалистическимъ. —

Всмотримся ближе въ спеціальнѣйшій предметъ логики.

Логика, когда показываетъ, какія формы можетъ принимать наше мышленіе при всякой данной матеріи, дѣлаетъ это, по Карпову, съ тою цѣлью, «чтобы видѣть потомъ, какія изъ возможныхъ формъ послѣднее *должно* принять въ извѣстномъ случаѣ, — согласно съ направленіемъ силъ души, стремящихся *познать* какой-нибудь предметъ и проявить свое познаніе о немъ». Т. е. логика хотя и не въ состояніи обогатить насъ фактами, которые приобрѣтаются чрезъ дѣятельность чувствъ и созерцанія ума, — все же она самое мышленіе беретъ въ отношеніи его къ цѣли — познанію реальныхъ предметовъ и проявленію этого познанія. Естественная и нормативная цѣль мышленія, служащаго предметомъ логики, есть стремленіе разсудка развить свою логическую форму такъ, чтобы она, какъ выражается нашъ философъ, по возможности, «совпадала съ вещественною формою бытія предмета».

Это и есть первая черта логической концепціи мышленія, способная уже роднить формальное направленіе съ реальнымъ. Дѣло въ томъ, что передъ Карповымъ, и около времени появленія въ печати его логики, выступали за границей такіе взгляды, что мышленіе вѣдается и разсматривается логикою совершенно безотносительно къ какимъ-либо предметнымъ цѣлямъ, что это логическое мышленіе не рассчитано не только на познаніе, но даже и на существованіе вещей. «Мыслящая природа духа, — говорилъ около того времени

одинъ нѣмецкій ученый логикъ, — имѣла бы тѣ же законы еслибъ и не было вещей, или еслибъ не было у духа—даже какъ случайной цѣли—познанія существующаго». — Вотъ черта крайняго завзятаго формализма въ логикѣ, когда послѣдняя своимъ, такъ сказать, спеціальнымъ идеаломъ считаетъ истинность или правильность мышленія рѣзко и исключительно формальную, т. е. лишь какъ согласіе послѣдняго съ самимъ собою. Этой черты нѣтъ у Карпова. Въ самомъ дѣлѣ его логика имѣетъ въ виду мышленіе какъ живой реальный фактъ; логика, по нему, имѣетъ быть лишь «истолковательницей природной способности». И самъ опытъ свидѣтельствуетъ, правда, что мышленіе еще не есть познаніе (почему и Карповъ различаетъ ихъ одно отъ другого); однако — развѣ живое, дѣйствительное мышленіе можетъ когда-либо быть совершенно чуждо интересу какого-либо познанія—или проявленія познанія—теоретическаго или практическаго? Потому сознаніе Карпова въ логикѣ такъ занято идеей истины и истины неформальной, что самый предметъ логики, повидимому очерченный было формалистически,—мышленіе—со стороны, однако, своихъ и условій, и законовъ, и природы — разсматривается прямо въ существенной связи съ этой идеей познанія, съ идеей истины реальной.

Обыкновенно, чертою формализма въ логической концепціи мышленія служитъ то, когда мышленіе берется со стороны *однѣхъ формъ* безотносительно къ содержанію или матеріи ихъ. Повидимому, съ этой стороны логика Карпова исключительно и чисто формальна: въ ней вѣдь говорится, что она занимается формами, подъ которыми взаимно соединяются какіе-либо, т. е. какіе бы то ни было, матеріалы мышленія. — Однако же по Карпову форма мышленія, хотя и отлична отъ его матеріи, все же она эту матерію «непремѣнно вноситъ въ существо свое». Далѣе. Логика, по Карпову, имѣетъ дѣло не съ формами только, но и съ продуктами дѣятельности разсудка ¹⁾; эти продукты и называются у Карпова «мыслимымъ». Допустимъ, что въ этомъ «мыслимомъ» умственное и чувственное педѣлимое «не имѣютъ своей собственной жизни», — что въ немъ обращается вниманіе только на взаимное по субъектив-

¹⁾ И, конечно, съ самою дѣятельностью,—т. е. съ ея процессомъ — со стороны самыхъ его приѣмовъ: понятіе „формы“ мышленія у Карпова — чаще — однозначуще съ понятіемъ „приѣма“ этой дѣятельности.

нымъ правиламъ отношеніе признаковъ, которые «отрѣшены отъ всего, подлежащаго уму и чувству». Съ перваго взгляда сейчасъ же покажется формализмомъ и какъ бы неестественностью эта отрѣшенность недѣлимыхъ и ихъ признаковъ отъ всего конкретнаго. Но во-1-хъ, по Карпову, мыслимое, не теряя своей формальности, одною стороною хотя обращено къ разсудку, другою — обращено къ условіямъ и началамъ «объективнаго его существованія», и — признаки мыслимаго, прежде чѣмъ они перешли въ область разсудка, были «матеріальными свойствами вещей, и получивъ въ нихъ это значеніе, удерживаютъ его и въ мыслимомъ». Во-2-хъ — попробуемъ войти въ логическую представимость — примѣрно — понятія какъ такого, или въ психологическо-метафизическій эквивалентъ его: какъ очертили бы мы его въ своемъ сознаніи и какъ опредѣлили бы его? Положимъ, мы сказали бы, какъ это говоритъ и реальная логика, что понятіе есть совокупность существенныхъ признаковъ предмета: это вѣрно, но это знаетъ и Карповъ... А мы то что: сказали о понятіи какъ будто пояснѣе, поконкретнѣе? Но вѣдь подъ понятіемъ разумѣется нѣкоторое единство — цѣльный предметъ, а не что то просто скученное, просто-собирательное. Спрашивается: какая же форма сознанія болѣе или менѣе близко удовлетворяетъ нашимъ словамъ о совокупности существенныхъ признаковъ предмета? Представленіе — какъ результатъ болѣе или менѣе живаго воспріятія этого предмета, съ чертами именно отъ даннаго случая, или данныхъ случаевъ воспріятія? Но во-1-хъ это будетъ частное явленіе уже познанія, а не просто мышленія, и во-2-хъ образъ такого представленія будетъ очень конкретенъ, очень связанъ частными условіями, для того чтобы ему имѣть значеніе логически всеобщаго и необходимаго. Воспользуемся ли здѣсь, на выручку, такъ называемымъ «общимъ» представленіемъ? Но вѣдь если этому нашему новому слову соотвѣтствуетъ какой психологическо-метафизическій эквивалентъ, то это и значить что — говоря словами Карпова — мы беремъ предметъ, или чувственное недѣлимое «не въ его собственной жизни» и что признаки его беремъ «отрѣшенно отъ всего подлежащаго уму и чувству». Такимъ образомъ и выйдемъ на повѣрку, что въ Карповскихъ опредѣленіяхъ логическихъ продуктовъ разсудка есть не формализмъ, а лишь стремленіе точнѣйшими мыслью и языкомъ суммарно и сжато выразить то, что другая логика назвала и опредѣ-

лила бы хотя короче, по за то не входя болѣе тщательнымъ анализомъ и синтезомъ въ существо логическихъ образованій. Какъ можно большая «конкретность», преобладаніе разъясненій на «примѣрахъ»,—есть обычный, особенно похваляемый, приемъ такъ-называемыхъ практическихъ, педагогическихъ и т. п. руководствъ по наукѣ о мышленіи. Но нѣтъ ли въ этомъ приемѣ стремленія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени, избѣгать трудностей, съ какими соединяется болѣе прямое и точное опредѣленіе предмета? Логика Карпова не страшилась и не избѣгала трудностей представленія и языка отвлеченнаго, гдѣ это требовалось по существу дѣла ¹⁾). Но отвлеченный способъ представленія еще не есть формалистическій. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и справедливо было бы смотрѣть на Карповскія опредѣленія,—какъ общаго предмета логики, такъ и на всѣ частнѣйшія его логическія и логическо-техническія опредѣленія, способныя казаться особенно сухими и формалистичными, въ специальномъ отдѣлѣ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ.

Карповъ, повидимому, беретъ въ логикѣ формы мышленія какъ только уже готовыя образованія. Подобный приемъ также считается обыкновенно характернымъ именно для формальной логики. Но строго-то говоря: что собственно и отличаетъ доподлинное существо той или другой науки, какъ не готовыя уже ея истины, положенія, правила? Процессъ образованія этихъ положеній относится къ моменту еще лишь пріобрѣтенія познаній, и входитъ въ этотъ процессъ изучающему или преподающему, разъясняющему или провѣряющему положенія науки бываетъ и интересно и важно и удобно для лучшаго и сознательнѣйшаго усвоенія науки. Но вѣдь это все—другое дѣло, и—прямо не относится къ существу, къ бытію науки, какъ уже образовавшейся. Этими замѣчаніями мы не хотимъ оправдать какого-либо догматизма въ постановкѣ науки вообще и логики в частности, но желаемъ лишь осмыслить историческій фактъ явленія и устойчивости формальныхъ обработокъ ло-

¹⁾ Мы не хотимъ всѣмъ этимъ сказать, чтобы и Карповъ не имѣлъ особенной привычки къ „примѣрнымъ“ иллюстраціямъ: напротивъ, у него самого этотъ элементъ (въ опредѣленіи и понятіи и проч.,—элементарныхъ и систематич. формъ),—какъ и вообще „педагогическій“, въ широкомъ и глубокомъ смыслѣ этого слова, —примѣняется въ логикѣ не рѣдко, а въ отдѣлѣ систематики особенно часто.

гики. Не надо — при этомъ — смѣшивать догматизма въ процессѣ образованія установки и оправданія науки съ догматизмомъ изложенія науки. Философія специально, эминентнымъ образомъ, именуемая критическою по обработкѣ и установкѣ истинъ ея (какова философія Канта) прямо однако считаетъ догматизмъ нужнымъ и въ ея наукѣ объ апіорныхъ принципахъ познанія. И вообще догматизмъ не есть еще формализмъ.

Да и точно ли самыя формы и нормы мышленія — какъ типичныя, какъ всеобщія и необходимыя образованія разсудка, въ логикѣ Карпова совсѣмъ не подлежатъ никакому выводу? Нѣтъ. Нашъ философъ цѣлый первый отдѣлъ логики посвящаетъ изложенію своей теоріи знанія. Этотъ отдѣлъ самъ онъ называетъ вообще психологическимъ, но въ немъ, безъ сомнѣнія, есть и метафизическій элементъ. Здѣсь, съ психологической и метафизической точки зрѣнія устанавливаются и раскрываются условія и законы логическаго мышленія, здѣсь выдвигается на видъ элементъ не только субъективный, но и объективный, опредѣляющій возможность для логическаго мышленія быть въ согласіи съ реальнымъ бытіемъ. Въ этомъ отдѣлѣ Карповъ укладываетъ основаніе своей логической системы, къ нему отсылаетъ онъ и во второмъ отдѣлѣ объ элементарныхъ формахъ мышленія, о понятіяхъ, особенно категоріяхъ, о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, — къ нему обращается онъ и въ третьемъ, послѣднемъ, отдѣлѣ — о систематическихъ формахъ и нормахъ мышленія. И вотъ эта-то психологическо-метафизическая дедукція условій и законовъ мышленія характеризуетъ всю логику Карпова, по ея основѣ, какъ имѣющую безспорный реальный элементъ. Виновникъ философски-принципіальнаго обособленія формальной логики отъ реальной, — Кантъ (и Гербартъ послѣ него) отвергалъ введеніе въ логику психологическаго и метафизическаго элементовъ. Такому взгляду слѣдовала, — иногда съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, — и Кантовская школа, какъ и Гербартіанская. Карповъ однако не сталъ на ея сторону, не смотря на то, что до его логики въ русской литературѣ распространялись уже переводныя руководства по логикѣ въ духѣ этой школы, да и въ иностранной литературѣ еще была сильна эта логическая школа.

Познавательльно-теоретическій отдѣлъ логики Карпова, не говоря уже объ отдѣлѣ систематики, свидѣтельствуетъ, что

Карповъ въ построеніи логики не думалъ сторониться отъ связей съ опытомъ, не думалъ ограничиваться методомъ апріорныхъ дедукцій или однимъ анализомъ. Между тѣмъ формальную логику въ собственномъ смыслѣ, т. е. желающую и въ самомъ дѣлѣ принципиально защитить и провести себя послѣдовательно, — ее по методу характеризуетъ отрѣшенность отъ опыта, отъ синтетическаго элемента. Карповъ же не могъ предпочесть въ логикѣ одинъ апріористическій элементъ — уже потому, что, по его теоріи, нѣтъ и не можетъ быть мышленія, какъ только мышленія апріори, равно нѣтъ, по нему, и мышленія какъ только апостеріори: въ мышленіи всегда оба эти элемента даны вмѣстѣ, органически связно. — Нѣтъ нужды, при оцѣнкѣ логики Карпова говорить о преимуществахъ синтетическаго метода въ его воззрѣніи, потому что это значило бы касаться и особенностей вообще синтетизма, какъ цѣлаго направленія всей его философской мысли. Да и что сказать можно объ этихъ преимуществахъ какъ не то, что синтезъ самъ по себѣ настолько выше анализа, насколько цѣльность выше раздробленности, разложенія, насколько жизнь выше смерти. Но нельзя сейчасъ же и умолчать объ этой особенности логики по крайней мѣрѣ какъ о фактѣ.

Нельзя умолчать, наконецъ, о томъ, что послѣдовательность и цѣльность логически-синтетическаго настроенія мысли Карпова сказывается существенно и ярко и въ его книгѣ по логикѣ, какъ и во всѣхъ его прочихъ трудахъ. Карповъ слишкомъ цѣльнымъ логикомъ является вездѣ во всѣхъ своихъ аргументаціяхъ, во всѣхъ выясненіяхъ положительныхъ истинъ и въ опроверженіяхъ научныхъ противниковъ. Потому-то онъ и въ критикѣ Канта такъ сказать не можетъ переварить раздѣленій теоретическаго элемента отъ практическаго, апріорнаго отъ апостеріорнаго. (Вотъ почему его критика иногда можетъ показаться неточной, небьющей въ цѣль). И здѣсь, въ логикѣ, Карпова, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, рельефно проявляется религіозно-нравственный моментъ въ фундаментѣ его философскаго синтетизма. Логическое, какъ такое, онъ расположенъ роднить съ этическимъ потому, что такова самая концепція главной въ логикѣ идеи — идеи объ истинномъ. И вотъ съ идеями-то истины и добра (которыя выступаютъ и въ логикѣ Карпова обыкновенно вмѣстѣ, какъ одна двусторонняя идея), съ этимъ «образомъ безконечнаго и вѣчнаго въ нашей душѣ», съ этой «печатью безусловнаго», Бога религіи, вмѣстѣ съ

вѣрой въ церковь, въ начала національной—русской жизни, съ этимъ достояніемъ научныхъ и философскихъ убѣжденій—Карповъ въ логикѣ и логика въ Карповѣ—представляетъ нѣкоторое органическое цѣлое, живое единство, которое кто назоветъ эпитетомъ чистаго формализма?!

Нѣтъ,—какъ характеръ личности нашего философа не былъ характеромъ формалиста, такова его и логика. Она не утратила еще своего научно-философскаго интереса и значенія. Къ ней приложима идея логики, какъ самосознанія науки въ самомъ глубокомъ смысла слова. А если ей нужно спеціальное пмя, то мы, на основаніи вышесказаннаго, въ правѣ заимствовать его изъ цѣльной философской системы нашего мыслителя. Именно: какъ философское начало синтетизма называетъ Карповъ «*формально-реальнымъ*», какъ нравственное начало по своему пониманію, онъ называетъ «формально-матеріальнымъ», какъ и мышленіе, служащее предметомъ логики, онъ представляетъ также формально-матеріальнымъ: такъ и всей логикѣ его по праву приличествовать можетъ это же имя и достоинство ¹⁾.

Ал. Высокоостровскій.

IV. Заслуги проф. Василія Николаевича Карпова для русской философской мысли ²⁾.

Столѣтіе со дня рожденія покойнаго профессора философскихъ наукъ въ нашей академіи В. И. Карпова падаетъ на такой годъ, когда начало свое фактическое существованіе основанное при С.-Петербургскомъ университетѣ философское

¹⁾ Такъ образъ обидій формальный характеръ предмета логики, по которому она—и у Карпова называется „формальной наукой“, не ведетъ еще къ формальному или формалистическому способу представленія и обработки самаго этого предмета. Ибервегъ также называетъ логику *einс formale Wissenschaft*. и однако его логика, въ виду ея познавательнотеоретическаго элемента, имѣетъ характеръ и значеніе реальной или (говоря терминомъ Ибервеговой системы) „идеально-реальной“.

²⁾ Въ собраніи 12 апрѣля рѣчь эта читалась съ сокращеніями.

общество, поставившее себѣ цѣлью — содѣйствіе развитію и распространенію философскихъ знаній. Возникновеніе этого общества обнаруживаетъ усиленіе философскихъ интересовъ въ нашемъ отечествѣ въ настоящее время и можетъ возбуждать надежды на успѣхи у насъ философіи въ будущемъ.— Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно пробудить и воспоминанія о прошедшемъ,—о тѣхъ дѣятеляхъ философіи, которые и непосредственно и посредственно содѣйствовали наблюдаемому въ современномъ обществѣ подъему философской любознательности и которые, конечно, утѣшали себя мыслью, что дѣло ихъ не пропадетъ безслѣдно, но принесетъ плодъ. Среди такихъ дѣятелей проф. В. Н. Карповъ особенно заслуживаетъ благодарной памяти,—какъ потому, что онъ много и плодотворно потрудился для русской философской мысли, такъ и потому еще, что всѣ труды его проникнуты заботою о будущности философіи въ Россіи: онъ делѣялъ мысль о самобытпой русской философіи, намѣтилъ планъ ея и различными путями старался подготовить для нея почву. И самое совпаденіе столѣтней годовщины со дня рожденія его съ временемъ особаго оживленія у насъ философскихъ интересовъ служить какъ бы нарочитымъ напоминаніемъ исторіи о его заслугахъ въ области философіи и ставить его имя выше намѣренной или ненамѣренной людской забывчивости.

В. Н. Карповъ, сынъ священника воронежской епархіи, родился 2 апрѣля 1798 года. Уже семейное воспитаніе содало въ немъ тотъ навыкъ къ труду, благодаря которому, при своей даровитой натурѣ, онъ обнаружилъ себя въ школѣ лучшимъ воспитанникомъ, въ жизни самостоятельной—неутомимымъ и плодотворнымъ дѣятелемъ науки. Въ семьѣ же заложены были въ немъ основы той религіозно-нравственной настроенности, которая является столь характерною какъ для его жизни, такъ и мысли. Духовная школа укрѣпила въ В. П. задатки, полученные въ семейномъ воспитаніи, и кромѣ того, на ея долю выпала честь развитія въ своемъ питомцѣ склонности къ философіи. В. Н. имѣлъ рѣдкое счастье и въ средней и въ высшей школѣ изучать философію подъ руководствомъ выдающихся наставниковъ. Въ воронежской семинаріи онъ учился у протоіерея И. Я. Зацѣпина, который былъ ревностнымъ почитателемъ Шеллинга и который изъ-за любви къ философіи уже въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, послѣ многихъ затрудненій и хлопотъ, добился у начальства годо-

вого отпуска, чтобы прослушать курсъ лекцій по философіи въ Харьковскомъ университетѣ у нѣмецкаго философа Шада. Такой, преданный своей наукѣ преподаватель, естественно, не могъ не повліять на развитіе склонности къ философіи въ лучшемъ воспитанникѣ.

По окончаніи курса семинаріи, Карповъ назначень въ кіевскую духовную академію для составленія ея второго курса. Здѣсь онъ слушалъ философію подъ руководствомъ тоже замѣчательнаго въ свое время профессора И. М. Скворцова—бывшаго воспитанника нашей академіи, «такъ что В. П. Карповъ былъ для нашей академіи какъ бы уплатой со стороны кіевской за И. М. Скворцова» ¹⁾. Вліяніе Скворцова не могло не отразиться на Карповѣ, и можно въ различныхъ отношеніяхъ отмѣтить слѣды этого вліянія. Прежде всего, И. М. Скворцовъ долженъ былъ послужить образцомъ своему ученику какъ преподаватель. Это былъ дѣловитый, строгій и аккуратный въ исполненіи своихъ обязанностей наставникъ; — столько же требовательный къ студентамъ, сколько и внимательный къ оцѣнкѣ ихъ трудовъ, сколько и чуждый, вмѣстѣ съ тѣмъ, педантства и чиноупности въ отношеніяхъ къ нимъ. Особенно благотворное вліяніе на умы и сердца учащихся производила его цѣльная натура: «убѣжденія ума были для него не только началами мышленія и знанія, но вмѣстѣ и плодотворными правилами жизни и дѣятельности» ²⁾. Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ И. М. стремился привести въ гармонію выводы наукъ естественныхъ («съ которыми, особенно съ физико-математическими онъ былъ очень знакомъ» ³⁾), и идеи философіи съ началами Откровенія. Въ частности, слѣдуетъ отмѣтить тотъ его взглядъ, что «мыслящій человѣческій духъ отнюдь не есть существо безусловное, и мышленіе его не есть абсолютное, творческое, т. е. одною силою чистой мысли полагающее бытіе, истину. Истина не есть произведеніе одной чистой мысли нашей. Напротивъ, она первоначально есть нѣчто данное для насъ и нами только познаваемое и воспринимаемое въ сознаніе». Органомъ же воспріятія истиннаго, какъ прекраснаго и добраго, служитъ непосредственное, прирожденное намъ чувство

¹⁾ Некрологъ Карпова въ „Христ. Чт.“ 1868, ч. I, 232.

²⁾ Труды Кіев. Дух. Ак. 1863. II. 449.

³⁾ Ibid. 453.

или вѣра въ обширномъ смыслѣ. Философія и науки возникаютъ тогда, когда это непосредственное содержаніе вѣры мы стремимся возвести на степень знанія. И. М. Скворцовъ утверждаетъ, что умъ человѣческій собственными усилиями не можетъ достигнуть полнаго и всесторонняго знанія, хотя и непреодолимо стремится къ таковому: философія всегда останется философіей, т. е. стремленіемъ къ мудрости, удовлетвореніе же этому стремленію человѣкъ получаетъ только въ Откровеніи ¹⁾. Конечно, философскіе взгляды И. М. Скворцова окончательно сформировались не въ первые годы его профессорства, когда былъ его слушателемъ В. Н. Карповъ; но въ болѣе поздніе, однако, нужно думать, въ основѣ своей они были даны въ его мысли уже тогда, а съ другой стороны, несомнѣнно, и позднѣйшіе труды И. М. не были неизвѣстны Карпову. Во всякомъ случаѣ, въ возрѣніяхъ и въ преподавательской дѣятельности обоихъ профессоровъ есть сходство, которое можно объяснять вліяніемъ одного на другого.

Первые четыре года службы В. Н. (1825—29) были въ кievск. дух. семинаріи; слѣдующіе четыре (1829—33) въ кievск. духовн. академіи въ качествѣ бакалавра сначала французскаго языка, а затѣмъ философскихъ наукъ. Въ 1833 г. онъ былъ перемѣщенъ въ петербургскую духовн. академію, гдѣ съ 1835—67 г. состоялъ профессоромъ философскихъ наукъ.

Профессорская дѣятельность В. Н. Карпова отличается такими же чертами ревностнаго служенія наукъ и добрыхъ отношеній къ учащимся, какъ и дѣятельность И. М. Скворцова, и оставила послѣ себя столь же хорошую память. Эта дѣятельность въ свое время была охарактеризована съ различныхъ сторонъ въ некрологахъ В. Н. Мы напоминаемъ изъ этихъ характеристикъ только немного. Уже въ кievск. дух. академіи, — въ первые же годы своего профессорства Карповъ выдѣлился изъ ряду академическихъ наставниковъ усерднымъ исполненіемъ дѣла, знаніями и талантливостью, — почему и былъ черезъ два же года переведенъ въ петербургскую академію. О профессорствѣ его въ столичной академіи одинъ изъ слушателей В. Н. сообщаетъ: «Лекціи его отличались самымъ живымъ изложеніемъ и полнымъ отсутствіемъ педантической сухости. Нерѣдко имѣли мѣсто ученыя бесѣды учителя съ учениками на подобіе тѣхъ, какія

¹⁾ Труды Кiev. Духов. Акад. 508—511.

онъ хорошо изучилъ у Платона; въ такихъ случаяхъ В. Н. особенно воодушевлялся, и это приводило его къ убѣдительнѣйшимъ импровизаціямъ. Присутствовавшій въ то время въ Св. Синодѣ московскій митроп. Филаретъ, посѣщая академію, замѣтилъ даровитаго и усерднаго профессора и собственною инициативою постарался возвести В. Н., бывшаго дотолѣ бакалавромъ, въ званіе ординарнаго профессора» ¹⁾. (1835 г.). В. Н. очень дорожилъ хорошимъ составомъ аудиторіи и основательностью подготовки слушателей. Говоря вообще, составомъ академической аудиторіи онъ былъ всегда доволенъ ²⁾. И говорилъ: «только въ нашихъ академіяхъ и можно теперь съ удовольствіемъ и достоинствомъ читать философію» ³⁾. «Поэтому же, будучи приглашенъ читать лекціи философіи въ петербургскомъ университетѣ, кажется, въ 1849 году, онъ отказался, не смотря на выгодность предложенія, потому что университетскіе слушатели обладаютъ слишкомъ недостаточнымъ философскимъ образованіемъ» ⁴⁾.

Профессорское служеніе В. Н. Карпова не всегда протекало мирно и покойно. Съ В. Н. случались и певзгоды, — которыя одинъ изъ вспоминающихъ о немъ объясняетъ его «беззавѣтною преданностью дѣлу, и его истинно гражданскимъ мужествомъ, съ которымъ В. Н. противился всему, въ чемъ видѣлъ неправильное отношеніе къ дѣлу и наукѣ» ⁵⁾. Одинъ ректоръ академіи противъ воли перевелъ В. Н. съ одной философской каедры на другую. Это было въ 1843 г., когда каедру философіи поручили иностранцу Фишеру, а В. Н. перевели на каедру исторіи философіи, обязавъ его читать новую науку по самой странной и прихотливой программѣ ⁶⁾. «Тоскливо принялъ, тоскливо потомъ и вспоминалъ В. Н. это невольное удаленіе свое съ любимой своей каедры, которую онъ, по свидѣтельству слушавшихъ его философскія лекціи, поднялъ на высоту, на которой она раньше не стояла... Уже не такъ часто, какъ прежде, находило на него увлекающее вдохновеніе во время чтеній по исторіи философіи;

¹⁾ „Голосъ“. 1867. № 348.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г., ч. I, стр. 269.

⁴⁾ „Голосъ“. 1867. № 348.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

мертвая программа мертвила его рѣчь. Вновь онъ ожилъ, когда ему поручили преподаваніе сперва логики, а потомъ психологіи...» ¹⁾).

В. Н. былъ не только талантливымъ, но — что не менѣе важно въ профессорѣ — необыкновенно трудолюбивымъ и безкорыстнымъ работникомъ на нивѣ научной. «Онъ могъ до послѣдняго года просиживать за работой ежедневно отъ 14 до 17 часовъ» ²⁾); онъ говорилъ о себѣ: «я умру на этой кафедрѣ» ³⁾). И дѣйствительно, десять ректоровъ и инспекторовъ академіи перемѣнилось; молодые наставники опредѣлялись и поспѣшно оставляли академію для другихъ болѣе обеспеченныхъ мѣстъ службы, шестнадцать курсовъ слушателей перемѣнилось, ученики покойнаго достигали высшихъ степеней отечественной іерархіи и занимали вдвое и втрое болѣе выгодныя мѣста; наконецъ, старшіе профессора академіи всѣ оказались уже учениками покойнаго профессора, а самъ онъ не разставался и никогда не думалъ разстаться съ академіей; крѣпкій союзъ его съ своей кафедрой, продолжавшійся 42 года, могла расторгнуть только смерть» († 1867 г., 3 дек.) ⁴⁾).

Таковъ былъ В. Н. какъ ученый дѣятель, но онъ оставилъ послѣ себя прекрасную память и какъ человекъ. Лучшая характеристика его въ этомъ отношеніи дана въ слѣдующихъ словахъ одного лица, весьма близко знавшаго семейную и общественную жизнь В. Н. «Существенною и отличительною чертою покойнаго профессора былъ, по нашему мнѣнію, оправдываемому общимъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ къ нему всѣхъ знавшихъ его, — его высокой *религиозно-нравственный характеръ*, покрывавшій и дѣлавшій иногда какъ будто незамѣтными всѣ остальные его достоинства. Онъ никогда не хотѣлъ казаться ни философомъ, ни профессоромъ, какимъ теперь остается для исторіи, а всегда на словахъ и на дѣлѣ хотѣлъ быть и казаться только человекомъ; человекомъ же быть, по его задушевному убѣжденію, значило быть христіаниномъ и не на словахъ только и не по своему разумѣнію христіаниномъ, а на дѣлѣ и по требованію *Православной Церкви*. И онъ былъ имъ отъ начала до конца своей

¹⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г., ч. I, 267.

²⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г., ч. I, 363.

³⁾ Тамъ же, 269.

⁴⁾ Тамъ же, 266.

70-ти-лѣтней жизни. . . Въ служебныя свои хлопоты онъ посвящалъ болѣе другимъ, чѣмъ себѣ и своей семьѣ. Всѣмъ онъ былъ все, а своимъ служилъ только образцомъ трудолюбія и честныхъ правилъ въ жизни. Въ обращеніи, прежде всего, онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе своимъ твердымъ, разумнымъ и чрезвычайно теплымъ словомъ; затѣмъ внушалъ неизмѣнное уваженіе къ себѣ своею неподдѣльною благопамѣренностью, — наконецъ совершенно покорялъ себѣ такимъ благородствомъ и рѣшительностью духа, что сейчасъ же былъ готовъ свое слово привести въ дѣло. Онъ былъ цѣльный, всегда и вездѣ одинаковый и сначала до конца жизни вѣрный себѣ человѣкъ. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется намъ, заслуживаетъ не меньшаго, если не большаго изученія, чѣмъ и въ отношеніи ученомъ. Впрочемъ матеріалы для изученія его въ томъ и другомъ отношеніи почти одни и тѣже; потому что въ его книжной философіи можно читать философію его жизни, а въ философіи дѣйствительной жизни видѣть и провѣрять его книжную философію ¹⁾).

Высказанный въ этихъ словахъ взглядъ на проф. В. Н. Карпова, дѣйствительно, раздѣляется всѣми, писавшими и говорившими о немъ рѣчи по случаю его смерти; онъ подтверждается и содержаніемъ его сочиненій. Изъ послѣднихъ такъ же видно, что его философія была философіею жизненною и покоилась на чувствѣ глубокой вѣры, что онъ былъ изъ тѣхъ мыслителей, которые стремятся постигнуть истину не умомъ только, но и сердцемъ, и которые не теоретически только ее признаютъ, но проводятъ и въ жизни; для него жизнь была цѣлью знанія и нравственные интересы — интересовъ умственныхъ. «Что это за наука, говорилъ онъ, которая педантски смотритъ на жизнь и, вмѣсто того, чтобы помогать ея развитію и облагораживать ее, убѣгаетъ отъ нея и, облекшись въ туманныя формы логической ткани, носится невѣдомо для чего за облаками» ²⁾). Вотъ почему и говорившій слово на его погребеніе духовный ораторъ избралъ для эпитафіи текстъ изъ Іоаннова посланія: „чадца мои, не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. И о семъ разумѣмъ, яко отъ истины есмы (1 Іоан. II, 18 — 19)“ ³⁾). «Ибо, говорилъ онъ о Карповѣ

¹⁾ „Христ. Чит.“ 1868 г. ч. I. 245—247.

²⁾ Тамъ же, 248.

³⁾ Сист. ср. ф. рац. 33.

одаренный от природы не только умомъ и сердцемъ, отъ начала до конца своей жизни искренній сынъ церкви и горячій патриотъ, онъ смѣло изслѣдовалъ туманную глубину тогдашней гордой и блестящей западной философіи, русскимъ сердцемъ понимая причину ея болѣзненныхъ крайностей и всюю многолѣтнею дѣятельностью въ своей наукѣ и жизни старался доказать, что *быть отъ истины* значитъ любить, любить не словомъ только, или языкомъ, но дѣломъ и истиною» ¹⁾).

Послѣ В. Н. остались оригинальные и переводные труды по философіи. Къ первымъ принадлежатъ: «Введеніе въ философію». (1840 г.), «Систематическое изложеніе логики» (1856 г.), «Философскій рационализмъ новѣйшаго времени» (отдѣльное изданіе первоначально печатавшихся въ «Христ. Читеніи» за 1860 г. статей подъ тѣмъ же заглавіемъ) и «Систематическая форма философскаго рационализма или наукоученіе Фихте» (тоже отдѣльное изданіе статей изъ «Страпника» за 1866 г.). Кроме того, отъ него мы имѣемъ рядъ статей, печатавшихся въ различныхъ журналахъ, напр. «Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направленій» («Журн. Мин. Н. Пр.» 1856 г. ч. 92 стр. 167—198), «Душа и дѣйствующія въ природѣ силы» («Хр. Чит.» 1866 г. ч. II) и изданная уже по смерти его «Вступительная лекція въ психологію» (Хр. Чит. 1868 г. ч. II). Къ переводнымъ трудамъ принадлежатъ: I-й томъ исторіи философіи Риттера (1839 г.) и сочиненія Платона—въ 6-ти томахъ—классическій трудъ, четыре тома котораго изданы были при жизни В. Н. (изъ нихъ два первые тома были изданы въ 1840 г. затѣмъ переизданы вмѣстѣ съ 3-мъ и 4-мъ въ 1863 г.), а два послѣдніе уже по смерти его (Москва 1879 г.).

Всѣ труды В. Н. Карпова носятъ на себѣ печать одного дѣльнаго міровоззрѣнія и всѣ они одушевлены одною заботою—создать почву для самостоятельной русской философіи, соотвѣтствующей характеру русскаго народа, особенностямъ его національной религіозной и государственной жизни. На этой-то послѣдней сторонѣ его трудовъ мы и остановимся.

«Россія, писалъ В. Н. издавая I томъ Ист. фил. Риттера, по всѣмъ отраслямъ наукъ сдѣлала уже значительныя усилки; одной только философіи нѣтъ или почти нѣтъ въ Россіи; эта наука у насъ еще не получила организаціи, не приведена въ

¹⁾ Слово прот. І. Л. Янышева. „Христ. Чит.“ 1868 г. ч. I. 255.

сознаніе какъ наука, но дробится въ безконечномъ множествѣ мыслей разнохарактерныхъ и разноцѣнныхъ, разсѣянныхъ отрывочно въ нашей литературѣ, или изрѣдка украшающихъ бесѣду людей образованныхъ» ¹⁾. Все это только философствованіе, а не философія въ собственномъ смыслѣ. «Можно философствовать, но не быть философомъ, но будучи философомъ нельзя не философствовать. Философъ — не тотъ, кто о чемъ-нибудь и какъ-нибудь философствуетъ; кто по случайному т. е. логическому расположенію истинъ, или по столкновенію страстей — и эмпиристъ, и идеалистъ, и деистъ и супранатуралистъ; но тотъ, чье философствованіе есть выраженіе одной неизмѣнной идеи о мірѣ и жизни и стремленіе къ развитію этой идеи въ одно систематическое цѣлое» ²⁾. Если же философствованіе — «не есть выраженіе одной постоянно развивающейся идеи о мірѣ и жизни, но возбуждается случайнымъ столкновеніемъ мыслей, или вѣтромъ эфемерныхъ мнѣній, то, по нашему мнѣнію, приличнѣе назвать ее «чесаніемъ слуха», а не философіею» ³⁾. Такое философствованіе приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. «Припимая въ сознаніе все, впечатлѣнное характеромъ философіи, и не имѣя готовыхъ началъ науки, которыми можно бы оцѣнивать свои пріобрѣтенія, мы бываемъ принуждены сохранять ихъ въ памяти безъ разбора, безъ классификаціи, неорганически и часто въ этой смѣси хорошаго съ худымъ, истиннаго съ ложнымъ все выдаемъ за истинное и доброе. Отсюда понятія наши шатки, познанія большею частію безъ цѣли, наукословныя правила безъ основанія, теоріи безъ связи и характера» ⁴⁾ (II).

Итакъ, Россіи нужна собственная, самобытная философія, которая замѣнила бы беспочвенное и случайное философствованіе и дала бы должное направленіе развитію отдѣльныхъ наукъ ⁵⁾.

Но такъ какъ «всякій народъ, вступающій на поприще философіи, сначала долженъ изучить идеи поколѣній предшествовавшихъ т. е. изслѣдовать философію человѣческаго ума вообще, въ вѣковыхъ ея развитіяхъ, — ибо тогда само собою опредѣлится точка его стоянія, и будетъ видно, чѣмъ

¹⁾ Предисл. къ I-му т. Ист. ф. Риттера. I.

²⁾ Введ. въ ф. 42.

³⁾ Введ. въ ф. 108.

⁴⁾ Предисл. къ I т. Ист. ф. Риттера. II.

⁵⁾ Введ. въ ф. 117—120.

кончится время прошедшее «чего можно желать искать и надѣяться въ будущемъ» ¹⁾, то труды В. Н. для русской философіи, прежде всего имѣли это предуготовительное значеніе.

Во-первыхъ въ 1839 г. была переведена имъ съ этою цѣлью исторія древней философіи Риттера, — собранная изъ другихъ нѣмецкихъ пособій, потому, что она болѣе всего удовлетворяетъ требованіямъ науки, и переведенная именно — въ тѣхъ видахъ, чтобы «къ генеалогическому дереву философіи пережившему столько тысячелѣтій, Россія привела свое народное воспитаніе, нравственный характеръ, свой образъ мыслей и произвела философію оригинальную» ²⁾. Во вторыхъ, съ тою же цѣлью Карповъ предпринимаетъ другой свой важнѣйшій трудъ — переводъ сочиненій Платона. — «Великіе гении на поприщѣ науки суть собственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. Поэтому русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается украшеніемъ каждой литературы», писалъ онъ въ въ предисловіи къ 1 изд. сочиненій Платона (I). Трудъ этотъ былъ выполненъ В. Н. съ рѣдкою тщательностью, научною добросовѣстностью и искусствомъ. Къ дѣлу онъ приступилъ съ ясно-намѣченнымъ планомъ и съ отчетливымъ представленіемъ своей задачи. «Переводы, говоритъ онъ, бываютъ двухъ родовъ: или буквальные или перифрастическіе. Оба эти способа передавать потомству мысли и чувства древнихъ писателей очень не трудны, потому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ оттѣнкахъ переводимой мысли. По этимъ же самымъ причинамъ оба эти способа не достигаютъ цѣли — не усвоятъ народу образцовыхъ произведеній древности. Буквальные переводы — почти всегда мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе — почти всегда бесполезны для читателей»... Поэтому истинно хорошимъ, кажется, надобно признать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея оттѣнками и 2) сохранена чистота и естественность

¹⁾ Пред. къ Ист. ф. Р. V.

²⁾ Тамъ же.

современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи платоновскихъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, не всегда находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ»¹⁾.

Въ предисловіи къ I-му и ко 2-му изданію В. Н. Карповъ заявляетъ, что ревнуя о чести русской литературы, онъ старался, чтобы русскій папъ Платонъ не уступалъ ни одному изъ иностранныхъ—не только въ вѣрности и вмѣстѣ точности перевода, но и въ приложеніяхъ, облегчающихъ чтеніе и пониманіе великаго философа. Онъ рѣшился предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти комментаторъ платоновскихъ сочиненій, а потому къ каждому діалогу приложилъ свое введеніе—съ цѣлью показать его планъ и содержаніе, а гдѣ нужно объяснить отдѣльныя мысли подстрочными историческими, философскими и отчасти филологическими примѣчаніями, и въ заключеніе надѣялся снабдить изданіе подробными указателями. Понять Платона безъ вспомогательныхъ средствъ нельзя. «Впрочемъ, замѣчаетъ В. Н. Карповъ мои усилія, можетъ бы, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не имѣлъ подъ рукою хотя немногихъ, однако превосходныхъ трудовъ по этому предмету». Главными руководителями для него были: Стефанъ, Астъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ: «ихъ глубокимъ изслѣдованіямъ я обязанъ болѣе, чѣмъ собственнымъ усиліямъ».

При осуществленіи своего труда, такъ широко задуманнаго, В. Н. Карповъ долженъ былъ встрѣтить много затрудненій различнаго рода. И прежде всего, затруднителенъ былъ самый переводъ своеобразной рѣчи Платона на русскій языкъ. «Особенностей въ греческомъ языкѣ больше, чѣмъ въ позднѣйшихъ, а рѣчь Платона оригинальностью и характеромъ своего склада изумляла самихъ современныхъ ему грековъ». Поэтому, говоритъ переводчикъ, «оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не иными греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали то на минуту допустить перифразъ, то отчасти

¹⁾ Предислов. къ I-му изд. I—II.

измѣнить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ родного языка» ¹⁾).

Естественно, что столь добросовѣстно выполненный трудъ оказался на высотѣ научныхъ и литературныхъ требованій и былъ оцѣненъ по достоинству. Въ предисловіи къ 1-му изданію В. Н. выражаетъ надежду, что знатоки дѣла, взвѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми ему надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинять нѣкоторые недочеты въ переводѣ, которыхъ однако, какъ онъ полагаетъ, не много ²⁾). Въ предисловіи же ко 2-му (вышедшему черезъ 22 года) онъ говоритъ, что критика была очень снисходительна къ 1-му изданію, оцѣнила внутреннія достоинства изданной книги, встрѣтила ее привѣтливо и почтила переводчика самими лестными отзывами. «Эти отзывы были единственной наградой за мой трудъ и принесли мнѣ по крайней мѣрѣ нравственную пользу въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я не разставался съ Платономъ и не закончилъ изданія двумя томами. Правда, служебныя занятія немного давали мнѣ досуга для приготовленія къ изданію еще неизданныхъ діалоговъ любимаго мною философа; зато сколько у меня оставалось свободныхъ часовъ, я посвящалъ Платону болѣе, чѣмъ съ удовольствіемъ» ³⁾).

И въ этомъ переводѣ Платона, надъ которымъ покойный профессоръ трудился до самой своей смерти, опять сказались тѣ же заботы его о судьбахъ русской философіи. «Я долго, говоритъ онъ, не рѣшался приняться за это дѣло. Меня пугала сомнительная судьба многотомныхъ твореній въ такомъ родѣ, какъ философскія. Найдеть ли у насъ Платонъ довольно читателей? Эта мысль долго колебала меня... Одно только обстоятельство дѣлало легкій перевѣсъ въ пользу изданія: это — пробужденіе духовенства къ развитію въ своей средѣ учено-литературной дѣятельности и старанія министерства — возстановить на каедряхъ его училищъ здравую и плодотворную въ своихъ основаціяхъ философію. Отчего, думалъ я, — въ такую пору всеобщаго стремленія къ установленію прочной учености въ Россіи не пригодилась бы идея Платона, когда въ прежнія времена — за три вѣка предъ этимъ

¹⁾ Предис. къ 1 изд. VI—VII.

²⁾ Стр. VII.

³⁾ Пред. ко 2-му изд. XXIII.

его именно твореніями открывалась эпоха возрожденія наукъ на западѣ Европы? Итакъ, рѣшено было печатать и, если Богъ поможетъ, довести изданіе до конца» ¹⁾).

Первые два тома сочиненій Платона изданы были въ первый разъ въ 1840 г. Въ этомъ же году В. Н. Карповъ выпустилъ въ свѣтъ свое «Введеніе въ философію», въ которомъ уже намѣчаетъ основы самобытной русской философіи и даетъ въ общихъ чертахъ опытъ таковой въ своей собственной системѣ. Плодъ десятилѣтней профессорской дѣятельности—«Введеніе въ философію заключаетъ въ себѣ мысли вообще о философіи и объ образѣ ея систематическаго развитія» ²⁾). Позднѣйшій трудъ «Систематическое изложеніе Логики», изданное 1856 г., имѣетъ въ виду соединить цѣли учебныя съ научными и потому, хотя авторъ старается «по возможности сообщить своему сочиненію качества методы аналитической, однако предпочелъ въ развитіи его плана и ходѣ содержащихся въ немъ ученій слѣдовать синтезу» ³⁾). Причина этому та, что логика внутренне связана и обыкновенно преподается совмѣстно съ психологіею: поэтому «я счелъ нужнымъ основать свою логику на началахъ психологіи, слѣдовательно развить ее синтетически, въ формѣ системы такъ, какъ бы она относилась къ курсу наукъ философскихъ, и по этой причинѣ назвалъ ее «систематическимъ изложеніемъ» ⁴⁾). Поэтому же его учебникъ логики имѣетъ значеніе для знакомства не только съ психологическими его взглядами, но и вообще съ философскими, поскольку философія, по его воззрѣнію, такъ же строится на основѣ психологіи: «въ полной системѣ философіи... психологія... имѣетъ значеніе философской пропедевтики, или—лучше—науки коренной, въ которой полагаются пачала для изслѣдованія всесторонней дѣятельности человѣческой души, т. е. не только для наукъ формальныхъ, но и для реальныхъ, объясняющихъ непосредственное отношеніе человѣка къ предметамъ міра внѣшняго и внутренняго». ⁵⁾).

Повидимому, самая мысль объ особой русской философіи должна казаться странною. Какое отношеніе философія,—

¹⁾ Тамъ же XXVIII.

²⁾ Предисл. къ Вв. въ ф. IV.

³⁾ Предисл. къ Лог. IV.

⁴⁾ Томъ V.

⁵⁾ Лог. 8, прим. 1.

область мышленія, притомъ мышленія отвлеченнаго, можетъ имѣть къ національнымъ особенностямъ? Не все ли равно, кто рѣшаетъ вопросы о сущности, цѣли и причинѣ міра, русскій или нѣмецъ? Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ чистымъ мышленіемъ, мышленіемъ общечеловѣческимъ, отрѣшеннымъ отъ всего конкретнаго, частнаго, національнаго. В. Н. Карповъ держится иныхъ взглядовъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ философамъ, которые не разрываютъ философіи съ жизнью; философія у него, съ одной стороны, имѣетъ практическую цѣль — опредѣлить мѣсто, значеніе и отношеніе человѣка въ мірѣ ¹⁾, — а съ другой, сама стоитъ въ зависимости отъ личныхъ особенностей философа и условій народно-общественной жизни.

«Философія разсматриваетъ сущее въ полномъ его составѣ и гармоніи, а потому должна найти начало всѣхъ познаній о сущемъ и, выводя изъ него истины частныя, указать въ нихъ основоположенія для другихъ наукъ. Въ какой степени философы достигали этой цѣли, показываетъ исторія философіи. Каждому изъ нихъ казалось, что за начало своей системы онъ принимаетъ безусловную истину, и каждый старался послѣдовательно и связно построить на ней цѣлое. Но безусловныя начала ихъ системъ почти всегда условливались личнымъ горизонтомъ созерцанія и частнымъ хроматизмомъ идей, а отъ того построенія ихъ походили на что-то калейдоскопическое; такъ что философія въ нихъ зависѣла отъ философвъ, а философы — отъ умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ предрасположеній, скрывавшихся за положенными въ системѣ началами. Мыслители были твердо убѣждены, что основныя истины ихъ ученія не подлежатъ никакому сомнѣнію и имѣютъ право на всеобщее согласіе, сами не замѣчая, что собственное ихъ убѣжденіе происходило отъ инуды, изъ-за предѣловъ науки и, сдѣлавшись предзанятымъ началомъ, оттѣнило ихъ идею и управляло ея развитіемъ... ²⁾ Посему тѣ ошибаются, кто въ систематикѣ теорію отдѣляютъ отъ практики и думаютъ, что послѣдняя не мѣшаетъ первой. Сколь бы ни хороша была система въ формальномъ построеніи; но содержаніе ея всегда болѣе или менѣе отцвѣчивается практическими понятіями мыслителя,

¹⁾ Введеніе въ философію 85.

²⁾ Лог. 288.

полученными отъ воспитанія, отъ религіозныхъ убѣжденій, отъ общественныхъ отношеній» ¹⁾).

Своему взгляду на связь философіи съ жизнью В. Н. представляет историческое оправданіе. «Безъ сомнѣнія должно согласиться, что въ области философіи судьба частныхъ взглядовъ много зависитъ отъ господствующаго духа времени и страны, отъ потребностей и направленія жизни, а особенно отъ религіозныхъ убѣжденій: идеи быстро обобщаются, когда явились кстати,—и умираютъ, родившись не во время. Если иоика Сократа долго развѣтвлялась только подъ покровительствомъ политическаго порядка, который она защищала противъ вольномыслія софистовъ, то критика Канта не могла не процвѣтать подъ покровительствомъ народнаго вѣроисповѣданія, которое главнымъ образомъ опиралось на авторитетъ и подлежательномъ судѣ ума» ²⁾), т. е. вѣроисповѣданія лютеранскаго. «Философія во всѣ времена выступала изъ нѣдръ религіи и первое свое развитіе совершала подъ ея влияніемъ» ³⁾). Такъ было въ мірѣ языческомъ и въ мірѣ христіанскомъ. Но «стремленіе языческаго ума къ мудрости простерлось далѣе народныхъ вѣрованій; языческая наука стала выше своей религіи, философское знаніе сдѣлалось руководителемъ челоука и обличителемъ идолослуженія; — отсюда произошла правдивый и всегда достойно превозносимый языческой раціонализмъ» ⁴⁾). Въ христіанствѣ «философія уже не могла опередить вѣру, потому что начала христіанства безконечно выше и духовнѣе всѣхъ возможныхъ началъ ума», и «философія, развиваясь въ пѣдрѣ христіанства по существу этой вѣры, не могла сдѣлаться философіею раціоналистическою». Но откуда же тогда «произошелъ господствующій въ Германіи уже около ста лѣтъ философскій раціонализмъ, если онъ несогласимъ съ духомъ христіанской вѣры и не могъ быть обязанъ ей своимъ происхожденіемъ? — Рѣшить этотъ вопросъ можно не иначе, какъ предположивъ, что среди христіанскаго общества образовался взглядъ ума на вѣру языческой» ⁵⁾). В. Н. и показываетъ постепенное обра-

¹⁾ Тамъ же 263. Введ. въ ф. 101—103; 111—113.

²⁾ Фил. раціон. нов. вр. „Христ. Чит.“ 1860, I. 296.

³⁾ Тамъ же 288.

⁴⁾ Тамъ же 289.

⁵⁾ Тамъ же 291.

зование этого взгляда: сначала въ Римской церкви, гдѣ и догматы и формы религіозной жизни были поставлены подъ произволь одного лица, а затѣмъ въ лютеранской, гдѣ все подчинено было произволу ума. Такъ возникъ рационализмъ религіозный, а за нимъ и философскій. Родоначальникомъ философскаго рационализма былъ Кантъ; потомъ его примѣру послѣдовали другіе философы. Если религіозный рационализмъ ставилъ умъ выше вѣры, то рационализмъ философскій «въ одномъ умѣ, независимо отъ опыта, полагалъ условіе не только познанія, но и всего познаваемаго: ни въ человѣкѣ, ни внѣ его, нѣтъ ничего, что не зависѣло бы отъ опредѣленій ума» ¹⁾. Проф. Карповъ обстоятельно критикуетъ рационализмъ, какъ онъ представленъ въ системахъ Канта и Фихте, вооружается противъ увлеченія имъ со стороны русскихъ и высказываетъ убѣжденіе, что «германскій рационализмъ никогда не получитъ у насъ популярности и не сдѣлается собственной нашею философіею, пока мы не переродимся въ стихіяхъ нашего народнаго духа и религіозныхъ своихъ убѣжденій не принесемъ въ жертву иновѣрному мышленію. Мы не сроднимся съ этимъ рационализмомъ именно потому, что онъ не можетъ сродниться съ нашею православною вѣрою» ²⁾. Конечно, философія въ мірѣ христіанскомъ поразительнѣе всего характеризовалась тѣмъ, что никогда, даже въ уклоненіяхъ отъ истины, не могла развиваться внѣ всякаго отношенія къ духу христіанской вѣры ³⁾, однако, если Цицеронъ сказалъ: «*nemo philosophus, nisi vir bonus*», то съ христіанской точки зрѣнія нужно сказать: «*nemo bonus philosophus, nisi vera Christi religione imbutus*» ⁴⁾. Такую истинную философію нужно искать тамъ, гдѣ истинная вѣра. И если эта философія со стороны объективной характеризуется согласіемъ съ истиною христіанскою, то со стороны субъективной она имѣетъ тотъ отличительный признакъ, что органомъ познанія истины служатъ всѣ силы души, сосредоточенныя въ вѣрѣ и ею просвѣтленныя ⁵⁾: умъ и сердце не поглощаются одно другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣляютъ своихъ интересовъ, но развиваются въ постоянной

¹⁾ Взглядъ на дв. ф. въ мірѣ хр. „Ж. М. Н. П.“ 1856, ч. 92, стр. 189.

²⁾ Тамъ же 197.

³⁾ Тамъ же 171.

⁴⁾ Тамъ же 173.

⁵⁾ Тамъ же 168.

связи между собою какъ органы вѣры и въ просвѣтлѣнной душѣ христіанина находятъ твердыя основы для рѣшенія задачъ философіи» ¹⁾). Напротивъ, въ лютеранской философіи перевѣсъ ума надъ сердцемъ и впутренняя раздвоенность человѣка ²⁾).

Всѣ эти разсужденія приводятъ къ тому, что философія разнится по характеру своему въ зависимости отъ особенностей того народа, среди котораго она возникаетъ. Обще-человѣческой философіи нѣтъ. Понятіе «общечеловѣческость» «нелѣпо и бессодержательно и измышленно только германскими философіями. Наша жизнь съ первыхъ дней рожденія начинается отцвѣчиваться домашними своими ограниченіями, а потомъ возникаетъ подъ домашнимъ и религіозно-политическими законами. Гдѣ тутъ искать общечеловѣческости? И если бы мы нашли ее, какое она укажетъ намъ содержаніе дѣятельности? Какъ для моего тѣла прямо здорова и питательна та пища, на которой я выросъ; такъ и для моей души истинно полезны тѣ религіозно-политическія понятія, которыя стихійно выросли въ нравственный мой организмъ и сплосили меня съ обществомъ ³⁾). Слѣдовательно, можетъ быть и самостоятельная русская философія, соотвѣтствующая національнымъ особенностямъ русскаго народа.

Въ чемъ же должна состоять отечественная философія? «Истинная философія дѣйствуетъ между внушеніями религіи и политики и, открывъ существенныя требованія человѣческой природы, соглашаетъ ихъ съ законами вѣры и условіями отечественной жизни. Но что значитъ дѣйствовать на поприщѣ философіи между внушеніями религіи и политики? Значитъ — производить философскія изслѣдованія подъ ихъ вліяніемъ, опредѣлять человѣка въ мірѣ сообразно ихъ ограниченіямъ, — не для того, что онѣ требуютъ такого, а не другого понятія о его природѣ, но потому, что его природа развитая и взлѣблянная ими, на самомъ дѣлѣ такова, а не другая. Человѣкъ, конечно, всздѣ человѣкъ: но это всесвѣтное (*ens genericum*) само себѣ равное существо является философу не иначе, какъ подъ безконечно-различными типами національнаго быта. Частныя вѣрованія и положительныя законы странъ

¹⁾ Тамъ же 197.

²⁾ Тамъ же 183—184.

³⁾ Логика 276.

превращаютъ субъектъ универсальный въ множество субъектовъ народныхъ, вовсе не похожихъ одинъ на другой, — и это естественно, потому что народный характеръ челоѣка образуется также, какъ отдѣльное понятіе разсудка. Понятіе составляется со стороны опытной изъ нѣсколькихъ представленій, перешедшихъ въ разсудокъ отъ мѣстныхъ предметовъ, а со стороны духовной — изъ единичной, болѣе или менѣе свѣтлой идеи, посредствомъ которой представленія объединяются: подобнымъ же образомъ народность условливается со стороны виѣшней — обычаями и мѣстными постановленіями государства, а со стороны внутренней — духомъ вѣры и правилами церкви. Такъ воспитываются и оразноображиваются народные субъекты! Который же изъ нихъ почестъ прототипомъ челоѣка, чтобы вѣрно опредѣлить значеніе его природы. Германецъ отдаетъ эту честь натурально германцу, французъ — французу и т. д., и они предъ своими націями правы, потому что въ Германіи и Франціи челоѣкъ на самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ его изображаетъ философія ихъ. Но таковъ ли онъ въ Россіи? И справедливо ли бы поступили наши умствователи, когда бы снявъ философскую копію съ германскаго или французскаго оригинала, выдавали его за челоѣка прототипа и заставляли нашъ умъ мыслить, наше сердце чувствовать — по германски и французски? Это значило бы желать перемѣнить національный бытъ нашъ, слѣдовательно, условія общественной нашей жизни и уставы православной нашей церкви, элементы которыхъ существенно вошли въ природу россиянина и сдѣлали его субъектомъ народнымъ. И такъ, философія отечественная, оригинальная, должна имѣть въ виду опредѣленіе мѣста, значенія и отношеній челоѣка въ мірѣ, поколику челоѣкъ, самъ въ себѣ всегда и вездѣ одинаковый, въ развитіи охарактеризованъ типомъ истинно русской жизни и, раскрывъ требованія его природы, прояснить ему его обязанности по отношенію къ отечеству и религіи» ¹⁾). Поэтому и высшею критикою философскихъ или синтетическихъ построеній долженъ быть не теоретическій умъ Канта, а религіозно-политическія начала страны, для которой синтезъ строить свои системы ²⁾); слѣдовательно, для Россіи — православіе и единодержавіе, какъ двѣ стихіи въ которыхъ

¹⁾ Введ. въ ф. 114 --117.

²⁾ Логика 276

воплощается идея русской жизни и взаимодействіемъ которыхъ растетъ и укрѣпляется духъ русской народности ¹⁾).

Опытъ такой самобытной философской системы, представленной, впрочемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, В. Н. даетъ въ своемъ «Введеніи въ философію».

Это—система такъ называемаго философскаго синтетизма, отличительною особенностью которою служить то, что онъ разсматриваетъ знаніе и бытіе, идеальное и реальное въ нераздѣльномъ и коренномъ ихъ существованіи, а не выводитъ одно изъ другого и выводъ этотъ почитаетъ невозможнымъ ²⁾). Насколько эта система противоположна философскому рационализму, все выводившему изъ ума, настолько же въ ней можно видѣть черты, напоминающія выше отмѣченные философскіе взгляды И. М. Скворцова. Задача философіи, по опредѣленію проф. Карпова, «ислѣдовать природу не въ частныхъ видахъ явленій, а въ цѣломъ какъ одно бытіе полное разнообразной жизни и дѣятельности». Но это значить уже возвышаться надъ опытомъ, въ которомъ все обособлено и вступитъ въ область метафизическаго» ³⁾). Гдѣ же искать этого метафизическаго? По срединѣ физическаго и духовнаго, — точнѣе тамъ, гдѣ они находятся во взаимной связи и выражаются въ общихъ обоимъ результатахъ. Всего очевиднѣе для насъ это проявляется въ чловѣкѣ и его дѣятельности, и здѣсь то философъ прежде всего узнаетъ метафизическое, какъ происшедшее изъ физическаго и духовнаго и отражающее въ себѣ свойства того и другого. Во вторыхъ, метафизическое есть среднее между субъектомъ и объектомъ: это—ни односторонняя, чисто формальная представленія нашего я, ни вещь сама въ себѣ, но царство мысли организующееся изъ ихъ элементовъ, субъекто-объектъ,—словомъ мыслимое, соединяющее познаніе съ бытіемъ ⁴⁾). Т. о. съ точки зрѣнія нашего философа, областью метафизическихъ изслѣдованій собственно долженъ быть признанъ чловѣкъ и все прочее постольку, поскольку оно отражается въ чловѣкѣ. Узнать природу въ себѣ, какъ уже Кантъ доказалъ, нельзя, и разоблачить природу—трудъ напрасный, когда она сама даетъ себя звать, хотя и измѣнивъ объективныя условія

¹⁾ Тамъ же 263.

²⁾ Введ. въ ф. 70 пр.

³⁾ Тамъ же 27.

⁴⁾ Тамъ же 28—32.

своего бытія, въ нашемъ сознаниі. Природа добровольно разоблачаетъ себя каждый день въ содержаніи нашего мышленія, нашихъ чувствованій, желаній и стремленій—въ цѣломъ существѣ человѣка... Конечно, въ этихъ предѣлахъ она вся вмѣститься не можетъ, но и изъ того, что въ нихъ вмѣщается возможенъ посредствомъ ряда заключеній ходъ науки до самаго ея святилища ¹⁾. Согласно съ этимъ, проф. Карповъ, во первыхъ, началомъ философіи и формальнымъ и реальнымъ признаетъ сознание: положеніе «я сознаю» какъ истина первая, непосредственно извѣстная, сама по себѣ ясная и всеобщая, можетъ и должно быть субъективнымъ началомъ философіи ²⁾ или формальномъ; но сознание, взятое конкретно (т. е. если не отдѣлять въ немъ психической силы отъ содержанія) есть и начало реальное и объективное: «оно есть единственное начало всего, что человѣкъ мыслить, чувствуетъ, желаетъ и къ чему стремится; потому что сознание усваиваетъ и обнимаетъ всѣ формы нашей жизни. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ важное преимущество предъ тѣми началами философіи, которыми выражается какая-нибудь одна сторона нашего бытія. Извѣстно, что начала чувства рѣдко бываютъ въ гармоніи съ законами ума; а начала ума не даютъ никакой цѣны внушеніямъ чувства. Извѣстно также, что философы, основывавшіеся на началахъ умственныхъ, выводили изъ нихъ и правила нравственной дѣятельности, и религіозныя стремленія сердца, а потому лишали самостоятельности самое лучшее и благороднѣйшее въ человѣкѣ. Эти противрѣчія и несообразности въ основаніяхъ, проистекающихъ изъ частныхъ отраслей нашей жизни, примиряются сами собою въ сознаниі; потому что сознание есть общее доказательство ихъ бытія и общая порука за большую или меньшую очевидность ихъ предписаній. Въ сознаниі нѣтъ исключеній: все сознаваемое находится въ немъ и принадлежитъ ему, какъ бытіе дѣйствительное. Посему философія, основывающаяся на сознаниі, не можетъ допускать монополии въ человѣческой природѣ, не можетъ однимъ жертвовать для другого, неизъяснимое почитать призракомъ или вообще быть одностороннею» ³⁾. Если съ областью метафизической мы знакомимся

¹⁾ Тамъ же 63.

²⁾ Тамъ же 56.

³⁾ Введ. въ ф. 61.

черезъ разсмотрѣніе собственнаго внутренняго міра, то понятно, во вторыхъ, какую роль здѣсь играетъ самопознаніе и почему «психологія, какъ наука самопознанія, постоянно дѣйствовала въ сферѣ философскихъ изысканій и почти всегда служила для нихъ основаніемъ» ¹⁾. «Человѣка искони называютъ микрокосмомъ или малымъ міромъ: слѣдовательно, въ немъ можно найти законы всякаго бытія, подслушать гармонію жизни, разлитой въ цѣлой вселенной, и созерцать таинственные символы связей, соединяющихъ все мірозданіе» ²⁾. Основаніемъ своимъ философія будетъ имѣть теперь взглядъ на міръ и жизнь исключительно согласный съ природою души, а средствами своего развитія законы дѣятельности, найденные и опредѣленные психологическими изслѣдованіями. Съ точки зрѣнія своего основанія она будетъ созерцать область бытія метафизическаго какъ *философія религіи*, *философія природы* и *философія человѣчества*, а пользуясь своими средствами, бытіе метафизическое поставитъ въ связь съ міромъ явленій, гдѣ встрѣтится съ частными науками и, обусловивъ собою ихъ формальное развитіе, взамѣнъ сообщаемыхъ формъ получить ихъ содержаніе, чтобы такимъ образомъ видимое было живымъ выраженіемъ невидимаго и въ чувственномъ вѣрно изображалось духовное» ³⁾.

Матеріаль для построенія философской системы доставляется нашему мышленію двумя источниками: чувствомъ и умомъ. Органомъ умственнаго созерцанія, направленаго собственно на нашъ внутренній міръ (тогда какъ чувствомъ душа познаетъ виѣшнее), является идея, предметъ которой психологія поставляетъ въ единствѣ безусловно-истиннаго и добраго и которая является въ душѣ образомъ безконечности и вѣчности ⁴⁾. Черезъ эти два источника «въ сознаніе входитъ съ одной стороны безконечное множество непрестанно измѣняющихся отдѣльныхъ явленій, а съ другой—идеальное единство истиннаго и добраго, и эти стороны, встрѣчаясь и взаимно проникаясь въ сознаніи, отражаются въ немъ какъ единое созданіе единой причины, которая положила на немъ печать

¹⁾ Тамъ же 22.

²⁾ Введ. въ психологію. „Хр. Чт.“ 1868, ч. 1. 211.

³⁾ Тамъ же 220. Подробное разъясненіе этого же въ Введ. въ философію 121—135.

⁴⁾ Логика § 10.

вѣчной истины и вѣчнаго добра, и тьмы заключающихся въ немъ твореній соединила неразрѣшимыми узами причинныхъ связей»¹⁾).

Философія, по взгляду проф. Карпова, какъ уже было выше замѣчено имѣетъ чисто-практическую цѣль — опредѣлить мѣсто, значеніе и отношенія человѣка въ міръ²⁾, а для этого она всегда старалась разсматривать міръ какъ одно т. е. найти законъ гармоническаго бытія вселенной³⁾. Человѣческая природа не имѣетъ въ себѣ несомнѣнной и постоянной нормы для опредѣленія гармоническаго бытія вселенной т. е. не знаетъ, какое мѣсто въ природѣ отведено каждому существу или роду существъ, въ какомъ отношеніи должны находиться между собою всѣ предметы въ міръ и, слѣд., каковы должны быть законы бытія и дѣятельности каждаго изъ нихъ, какъ должно представлять ихъ общую связь. И однако человѣкъ необходимо требуетъ такой нормы, — чтобы опредѣлить свое мѣсто въ цѣломъ и законы своего бытія и дѣятельности⁴⁾. Для удовлетворенія этого необходимаго требованія и является философія. Нельзя сказать, чтобы втеченіи всей своей исторіи она не приближалась къ цѣли: нѣтъ, въ ней есть развитіе, и ея успѣхи важны для науки вообще и утѣшительны для человѣка, стремящагося прояснить свое мѣсто, значеніе и отношеніе въ гармоническомъ бытіи міра⁵⁾.

Но достигнетъ ли философія когда-нибудь своей цѣли? На этотъ вопросъ В. Н. Карповъ, подобно И. М. Скворцову, даетъ отрицательный отвѣтъ, полагая смыслъ философіи въ самомъ стремленіи къ мудрости⁶⁾ и окончательное рѣшеніе ея вопросовъ указывая въ откровенномъ ученіи⁷⁾.

Система философскаго синтетизма, со стороны объективной отличаясь тѣмъ, что разсматриваетъ идеальное и реальное въ ихъ нераздѣльномъ существованіи, — со стороны субъективной имѣетъ ту особенность сравнительно съ другими системами, что уравниваетъ умъ съ другими силами въ сознаніи человѣческаго субъекта, ограничиваетъ его предѣлы и, обращая вниманіе на его существо и дѣятельность, ставить

1) Тамъ же § 11.

2) Введ. въ ф. 85.

3) Введ. въ ф. 79.

4) Тамъ же 86.

5) Тамъ же 95.

6) Тамъ же 100-105.

7) Тамъ же 92-93.

въ зависимость отъ абсолютнаго и чувствопостигаемаго ¹⁾. Если имѣть въ виду, что философствованіе по духу вѣры правой или православія, по взгляду проф. Карпова, какъ указано выше, построится на гармоніи ума и чувства, объединенныхъ въ вѣрѣ, и что православіе составляетъ одну изъ національныхъ стихій русскаго народа,—то нельзя не видѣть, что синтетизмъ, основывающійся не на одномъ умѣ, но на гармоніи всѣхъ силъ человѣческаго духа представляетъ опытъ такой именно самобытной русской системы. Значеніе этого опыта, только намѣченнаго въ общей схемѣ, будетъ оцѣнено, конечно, тогда, когда появится чаемая проф. Карповымъ русская философія т. е. подробно разработанная на указываемыхъ имъ основаніяхъ философская система. Что можетъ появиться такая самобытно-русская система, этого съ историко-философской точки зрѣнія нѣтъ основаній отрицать.

Историко-философскимъ взглядамъ проф. В. Н. Карпова нужно отдать справедливость съ той стороны, что онъ ставитъ въ связь философію—съ жизнью. Мысль, что «исторія философіи не есть подобное тканью на ткацкомъ станкѣ написываніе абстрактныхъ идеальныхъ потребностей, а борьба мыслящихъ людей, и что въ каждой значительной системѣ мы имѣемъ предъ собою волнующія міръ могущественныя мысли въ индивидуальной концентраціи» ²⁾ все болѣе и болѣе находитъ себѣ приверженцевъ среди новѣйшихъ историковъ философіи. И съ надлежащимъ правомъ, потому что взглядъ на всякую философскую систему не просто какъ на отрѣшенное отъ жизни умственное построеніе, но какъ на опытъ такого рѣшенія основныхъ вопросовъ знанія и бытія, которое имѣетъ въ виду удовлетворить требованіямъ всей разумно-правственной природы человѣка и внутренне связано и съ личными свойствами мыслителя, съ національными особенностями его народа и съ настроеніемъ окружающаго его общества,—этотъ взглядъ, вплетая исторію философіи въ общечеловѣческую исторію, проливаетъ большой свѣтъ на движеніе человѣческой мысли. При такомъ взглядѣ, дѣлаются, напр., понятными, какъ странныя иногда противорѣчія у логичнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей, такъ и не менѣе странное увлеченіе въ извѣстное время теоріями, уже неоднократно потерпѣвшими круше-

¹⁾ Введ. въ ф. 72.

²⁾ Виндельбандъ. Философія Канта. Пер. Платоновой, стр. 4.

ніе отъ критической мысли и признанными за несостоятельныя. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы справедливо должны видѣть вмѣстѣ съ проф. Карповымъ причину въ томъ, что движеніемъ философской мысли управляютъ не одни законы ума, но и требованія и стремленія всей духовной природы человѣка.

Отсюда же можно видѣть насколько правъ былъ русскій мыслитель въ своихъ чаяніяхъ самобытной русской философіи. Если философія свои теоретическія построенія и фактически исполняетъ и должна исполнять согласно съ практическими тенденціями человѣческой натуры, если за движеніемъ мысли зорко, но не всегда замѣтно слѣдитъ сердце и воля, личныя стремленія, національные и общественныя идеалы,—то должна быть и и русская философія, разъ есть русская нація и русская душа съ своеобразнымъ складомъ, съ своимъ образомъ мысли и чувства съ своими чаяніями и стремленіями.

Поэтому и мысль проф. Карпова не стоитъ обособленно въ русской философской литературѣ. Она не только высказывается и другими современными ему и позднѣйшими мыслителями ¹⁾, (причемъ, слѣдуетъ замѣтить, взгляды всѣхъ ревнителей самобытной русской философіи сходятся въ существенныхъ чертахъ): эта мысль выражается уже при самомъ началѣ русскаго философствованія первымъ нашимъ философомъ Г. С. Сковородою,—изъ котораго у профессора В. Н. Карпова приводятся слѣдующія строки ²⁾.

«Изводъ образованія, говорить Сковорода, долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ учителя есть познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство исты образованія и сочетать себя съ народомъ т. е. изводъ съ истою и форму съ идеею. Коликое идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французъ силу восприимосить и воспричитать чуждому воспитанію! Свое воспитаніе утаивается въ природѣ всякаго народа какъ огонь и свѣтъ невидимо утаился въ кремешкѣ. Приставъ же губку, либо пруть и ударъ кресаломъ и выкрещешь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, клапаться и просить: позичь мини огня!»

Д. Миртовъ.

¹⁾ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ,—Новицкимъ, Михневичемъ, Давыдовымъ, Астафьевымъ, Алексѣемъ Введенскимъ и др.

²⁾ „Ж. М. Н. П.“ 1856 г. ч. 92, стр. 198.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки